

КЕРСТИН ГИР

ТАЙМЛЕС

ИЗУМРУДНАЯ КНИГА

РОБИНС

Таймлесс

Керстин Гир

Изумрудная книга

«Робинс»

2010

Гир К.

Изумрудная книга / К. Гир — «Робинс», 2010 — (Таймлесс)

Что делать, если твое сердце разбито, а чувства растоптаны? Часами болтать по телефону с лучшей подругой? Есть шоколад и валяться в кровати, обливаясь слезами? Как жаль, что у Гвендолин совершенно нет на это времени. А все потому, что на семнадцатом году жизни у нее совершенно случайно обнаружился ген путешественника во времени. Голова идет кругом: хронограф, круг крови, Тайна Двенадцати, все эти балы, суаре, схватки и путешествия по темным лабиринтам прошлого, а теперь еще кто-то за ней охотится, и единственное, о чем ей действительно стоит думать, так это о том, чтобы выжить! Все нити ведут в прошлое, к таинственному графу Сен-Жермену, который ведет опасную игру, чтобы заполучить источник вечной жизни. А тут разбитое сердце! Гидеон, кто же ты — друг или враг? Что значат твои признания в любви — шутка, разыгранный как по нотам план графа или все же настоящее чувство? Разгадать все тайны Гвендолин помогут ее верные друзья. Добро пожаловать в мир путешественников во времени, приключения начинаются.

© Гир К., 2010

© Робинс, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	20
Глава третья	32
Глава четвёртая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Керстин Гир

Изумрудная книга

*Для марципановых девочек всего мира.
(Для всех-всех марципановых девочек.
Не важно, четырнадцать им лет или сорок один,
ведь чувствуют они себя абсолютно одинаково.)
Надежда – штучка с перьями —
В душе моей поёт —
Без слов одну мелодию
Твердить не устаёт...
Эмили Дикинсон (пер. Б.Львова)*

Пролог

*Белгравия, Лондон
3 июля 1912*

– На этом месте останется довольно уродливый шрам, – заметил доктор, не поднимая головы.

Пол криво усмехнулся.

– Как бы там ни было, лучше шрам, чем ампутация, которую напророчила мне мисс Пугливица.

– Очень смешно! – хмыкнула Люси. – Никакая я не Пугливица, это всё ты... господин Непростительно-Легкомысленный, хватит шутить! Ты сам не хуже меня знаешь, как легко инфекция попадает в такие раны, а потом вообще чудо, если останешься в живых в этом-то времени – никаких тебе антибиотиков, а доктора все сплошные невежды!

– Спасибо за комплимент, – отозвался доктор, нанося при этом ещё какую-то коричневатую мазь на только что зашитую рану. Пекла эта мазь невыносимо, Пол еле-еле подавил гри-масу боли. Он надеялся лишь, что на роскошной кушетке леди Тилни не осталось пятен.

– Вы тут ни при чём, – Пол заметил, что Люси изо всех сил старалась быть приветливой, даже изобразила что-то вроде улыбки. Улыбка получилась довольно мрачной, но главное ведь – это попытка, в такой ситуации засчитывается даже она. – Я уверена, вы стараетесь работать как можно лучше.

– Доктор Гаррисон, он не только работает как можно лучше, он просто лучший, – уверила леди Тилни.

– И единственный..., – пробормотал Пол. Он почувствовал вдруг невероятную усталость. В сладковатом напитке, который Пол выпил по настоянию доктора, наверняка было снотворное.

– Прежде всего, самый молчаливый, – добавил доктор Гаррисон. На руку Пола легла белоснежная повязка. – И, честно говоря, мне слабо верится, что через восемьдесят лет изобретут какой-нибудь новый способ лечения таких вот ножевых ранений.

Люси глубоко вздохнула, и Пол уже представил себе, что за этим последует. Из её высоко подобранной причёски выбился локон, и она лихо заправила его за ухо. – Ну, в сущности, не то, чтобы, но если бактерии... это единственные организмы, которые...

– Люси, перестань! – прервал её Пол. – Уж доктор Гаррисон точно знает, что такое бак-терии!

Рана всё ещё ужасно пекла, к тому же, он чувствовал себя таким разбитым и уставшим, что ему хотелось лишь одного – закрыть глаза и ненадолго вздремнуть. Но его замечание распалило Люси ещё больше. И хотя её глаза неистово сверкали, в них на самом деле таилась лишь забота, и – даже хуже – страх, это он знал точно. Ради Люси он изо всех сил старался не выдать, насколько непослушным стало его тело, и как он растерян. Поэтому Пол продолжал настаивать:

– Мы же не в Средневековье, а в двадцатом веке, веке потрясающих открытий. Кардиограмма – это уже вчерашний день, несколько лет уже известен возбудитель сифилиса и даже методы его лечения.

– Кажется, кто-то хорошо готовился к урокам тайноведения, – у Люси был такой вид, будто она вот-вот взорвётся, – как мило, однако!

– А ещё в прошлом году Мария Кюри получила нобелевскую премию по химии, – подсыпал перцу доктор Гаррисон.

– И что же они ещё не успели изобрести? Атомную бомбу?

– Иногда я просто удивляюсь твоей необразованности. Мария Кюри открыла радиоактив...

– Да заткнись уже! – Люси скрестила руки на груди и гневно уставилась на него. Осуждающего взгляда леди Тилни она не заметила. – Знаешь что, оставь-ка при себе эти заумные доклады! Ты! Ведь! Мог! Погибнуть! Ты мне можешь объяснить, так бы я справилась без тебя с таким несчастьем? – тут голос её сорвался. – И как бы я вообще жила без тебя?

– Мне больно это слышать, принцесса, – она не могла даже представить, насколько ему действительно было больно в эту минуту.

– Ну да, – выдохнула Люси. – Только не надо смотреть на меня таким вот взглядом преданной собаки.

– Размышлять о том, чего не случилось, совершенно излишне, дитя моё, – покачивая головой, заметила леди Тилни, пока доктор Гаррисон упаковывал инструменты обратно в саквояж. – Всё закончилось хорошо. Пол настоящий везунчик.

– Ему повезло лишь потому, что всё могло закончиться ещё хуже, но это вовсе не означает, что всё замечательно! – закричала Люси. – Ничего не получилось, равным счётом ничего! – глаза её наполнились слезами, сердце Пола чуть не разорвалось. – Мы здесь уже три месяца и ещё ничего не добились, ничего из того, что планировали, даже наоборот – мы всё только ухудшили! Наконец-то в руках у нас были это проклятые документы, и Пол просто отдал их!

– Да, это было, наверное, немного поспешным решением, – он опустил голову на подушку. – Но в тот момент у меня появилось чувство, что я совершаю правильный поступок, – а всё потому, что Пол почувствовал тогда дыхание смерти, она была где-то совсем близко. Ещё чуть-чуть и лорд Алестер отправил бы его на тот свет одним взмахом шпаги. Но Люси он этого никогда не расскажет.

– Если бы Гидеон был на нашей стороне, у нас был бы шанс. Как только он прочтёт документы, ему станет ясно, о чём речь. Я надеюсь.

– Но мы же сами не до конца понимаем, что там, в этих записях! Может, они зашифрованы или... ах, разве ты вообще знаешь, что ты тогда передал Гидеону, – сказала Люси. – Лорд Алестер мог всучить тебе что угодно: старые счета, любовные письма, пустые листы...

Полу и самому давно уже пришла в голову эта мысль, но что случилось, то случилось.

– Иногда нужно всё-таки доверять окружающим тебя людям, – пробормотал он. В тот момент Полу хотелось лишь одного – чтобы это высказывание можно было применить и к нему самому. Мало того, что лорд мог передать Гидеону поддельные документы, – этот парень вполне мог бы отнести их прямоком графу Сен-Жермену. Это значило бы свести на нет единственную их победу. Но Гидеон сказал тогда, что любит Гвендолин, и его голос был каким-то... убедительным, что ли.

– Он обещал мне, – хотел сказать Пол, но с его губ сорвался лишь невнятный шёпот. К тому же, это неправда, ведь ответ Гидеона он уже не успел услышать.

– Какая глупая идея, сотрудничать с Флорентийским Альянсом, – сквозь пелену до него донеслись слова Люси. Веки его опустились. Что бы там не подсыпал ему доктор Гаррисон, действовало это средство на удивление быстро.

– Знаю, да-да, я знаю, – продолжала Люси, – это была моя глупая идея. Мы должны были взяться за дело самостоятельно.

– Но вы же не убийцы, дитя моё, – сказала леди Тилни.

– С точки зрения морали, какая, собственно, разница, убил ли ты кого-то сам или дал указание кому-нибудь другому сделать это за тебя? – Люси тяжело вздохнула.

Несмотря на то, что леди Тилни довольно энергично возражала ей («Девочка моя! Не говори такого! Вы не давали никакого указания об убийстве, а просто передали некую информацию!»), Люси вдруг совсем разуверилась в собственной правоте:

– Мы действительно сделали всё не так, Пол, мы испортили всё, что только можно было испортить. За три месяца мы промотали время и деньги, которые получили от леди Маргарет. Более того, мы втянули в это дело слишком многих невинных людей.

– Это были деньги лорда Тилни, – исправила её леди Тилни. – Ты бы очень удивилась, узнав, на что он привык тратить свои капиталы. Скачки, танцовщицы – и это самое безобидное. Он и не заметил, что я взяла у него некоторую сумму для нашего предприятия. А если что-то и заметил, то, как настоящий джентльмен, он тактично промолчал.

– Лично мне было бы обидно, если бы я не оказался втянутым в эту историю, – заверил с усмешкой доктор Гаррисон. – Только я почувствовал, что моя жизнь становится какой-то скучной – и вот на тебе! Не каждый день встречаешь путешественников во времени, которые прибыли из будущего и осведомлены обо всём гораздо лучше твоего. Да, и между нами: стиль руководства господина де Виллера и его слежка за всем и вся так и подстрекают к тайному бунту.

– Так и есть, – сказала леди Тилни. – Этот самовлюблённый Джонатан угрожал своей жене, что запрет её дома, если она и дальше будет поддерживать суфражисток. Она продекларировала, передразнивая угрюмый мужской голос:

– *Что же дальше? Может, дадим право голоса собакам?*

– Ну да, именно поэтому вы грозились вклеить ему оплеуху, – сказал доктор Гаррисон. – Это, кстати, случилось на одной из немногих чайных вечеринок, которые чуть не навеяли на меня смертельную скуку.

– Но дело ведь было совсем не так. Я всего лишь заметила, что не ручаюсь за действия своей правой руки, если он не прекратит свои некавалифицированные высказывания.

– *Если он не перестанет молоть чепуху*, так вы выразились, если быть точным, – исправил её доктор Гаррисон. – Я так хорошо запомнил эту фразу, очень уж она меня впечатлила.

Леди Тилни засмеялась и подала ему руку.

– Я провожу вас, доктор Гаррисон.

Пол попробовал открыть глаза и сесть, чтобы поблагодарить врача. Но ни то, ни другое ему не удалось. «Ммф.. сс. сибо», пробормотал он из последних сил.

– Что за гадость вы ему подмешали? – крикнула Люси вслед доктору Гаррисону.

– Всего лишь несколько капель морфия. Вполне безобидно!

Возмущённого крика Люси Пол уже не услышал.

Глава первая

30 марта 1916

Пароль дня: «Potius sero quam numquam».

(«Лучше поздно, чем никогда») (Livius)

Согласно сведениям наших тайных информаторов в течение нескольких дней следует ждать нового нападения немецких воздушных сил на Лондон, поэтому мы решили ввести протокол безопасности первого уровня. Хронограф на неопределённое время будет перенесён в документарий, а леди Тилни, мой брат и я будем элапсировать оттуда, чтобы тратить на это не более трёх часов в день. Путешествия в XIX век в этой комнате для нас неопасны, в ночное время там почти никого не бывает, в хрониках того времени ни разу не упоминается посещение из будущего, поэтому можно предположить, что никто ни разу не заметил нашего присутствия.

Как и ожидалось, леди Тилни отказалась изменять устоявшимся привычкам и после короткой перепалки «не смогла найти ни малейшей логики в наших аргументах», но, в конце концов, ей пришлось подчиниться решению нашего Магистра.

В условиях военного положения иногда следует действовать решительно. Сегодняшняя элапсация в 1851 год прошла в неожиданно дружеской атмосфере, может быть, потому что моя заботливая супруга угостила нас своим ни с чем не сравнимым пирогом, и мы не затрагивали острые темы, например, право голоса для женщин, помня жаркие споры, в которые перетекали прошлые беседы.

Леди Тилни сожалела, что мы не можем пойти на всемирную выставку в Гайд-парк, но тут мы были с ней полностью солидарны, поэтому разговор продолжался в мирном тоне. Затем леди Тилни предложила нам провести время до завтрашнего дня за покером, тем самым снова выдав свой эксцентричный характер.

Сегодняшняя погода: лёгкий моросящий дождь, весенняя прохлада, 16 °C

Отчёт: Тимоти де Виллер, Внутренний Круг

Остриё меча было направлено прямо мне в сердце. Глаза убийцы казались двумя чёрными дырами, которые вот-вот поглотят всё, что находится вблизи. В моей голове осталась лишь одна мысль: мне не выбраться. Я неуклюже попятилась назад.

Мужчина последовал за мной.

– Я сотру с лица земли всё, что не угодно Господу! Скоро земля отведаёт твоей крови!

На эти пафосные заявления у меня нашлось возражение (Земле? Отведать моей крови? ЭЙ! ВЫ ЧГГО? Это ведь пол, покрытый плиткой!), но мне было так страшно, что я не проронила ни звука. К тому же, по его виду было понятно, что он явно не оценит в данной ситуации моё чувство юмора.

Я увернулась, сделала ещё шаг назад и упёрлась при этом спиной в холодную стену. Мой противник громко рассмеялся. Ну ладно, может, и у него есть чувство юмора, просто оно чуть отличается от моего.

– Умри же, демон! – вскричал он и без дальнейших колебаний вонзил меч прямо мне в грудь.

Я вскочила в холодном поту, проснувшись от собственного крика. Сердце моё болело так сильно, будто его действительно пронзили остриём меча. Что за кошмарный сон. Но стоит ли удивляться?

События вчерашнего дня (а также и позавчерашнего) не совсем располагали к тому, чтобы уютно свернуться под одеялом и спать себе сном праведника. В моей голове роились неожиданные мысли, разрастаясь, словно плеточные цветы. Гидеон просто притворялся. На самом деле, он меня не любит.

«Он даже пальцем не успеет пошевелить, как женские сердца сами упадут к его ногам», – в моей голове снова и снова звучал мягкий и глубокий голос графа Сен-Жермена. А также: *«Самая лёгкая на свете задача – это предугадать реакцию влюблённой женщины»*.

Интересно, как реагирует обычно влюблённая женщина, когда узнаёт, что ей врал и что ею манипулировали?

Правильный ответ: она созванивается со своей лучшей подругой и несколько часов подряд изливает ей душу. А потом, сидя в темноте и силясь заснуть, задаёт себе один и тот же вопрос: что она вообще нашла в этом придурке. При этом она ревет до изнеможения – действительно, предугадать несложно.

Светящиеся цифры будильника у моей кровати показывали 3:10, значит, я всё-таки задремала и проспала больше двух часов. Кто-то, наверное, мама, зашла ко мне и укрыла меня одеялом. Я ещё помню, как, подтянув колени к подбородку, я устроилась на кровати, прислушиваясь к учащённому биению собственного сердца.

Очень странно, что разбитое сердце продолжало биться.

«Кажется, будто оно состоит из красных кровотокающих осколков, рассекающих меня изнутри, заставляющих меня истекать кровью!» – так я попыталась описать Лесли своё состояние (Да, вполне может быть, что эти слова звучат несколько напыщенно, прямо как фразы того типа из моего сна, но иногда правда оказывается именно такой... пошловатой).

На что Лесли сочувствующе заметила:

– Я очень хорошо знаю, как ты себя чувствуешь. Когда Макс меня бросил, сначала мне казалось, я вот-вот умру от любви и страданий. Что у меня просто откажут все органы сразу. Ведь не зря же говорят, что «Любовь проходит сквозь почки, ударяет по желудку, разбивает сердце, сдавливает грудь и... э-э-э... впивается в сердце...». Но, во-первых, это проходит, во-вторых, положение твоё не настолько безнадежно, как тебе кажется, а в-третьих, твоё сердце отнюдь не стеклянное.

– Вот-вот, оно каменное, а не стеклянное, – встала я, всхлипнув. – Моё сердце – это драгоценный камень, а Гидеон разбил его на тысячу осколков, прямо как в видении бабушка Мэди.

– Картинка очень эффектная, ничего не скажешь, но – нет! На самом деле сердца сделаны совсем из другого материала. Можешь уж мне поверить, – Лесли откашлялась и торжественным тоном, будто посвящая меня в заповедную тайну мировой истории, произнесла:

– Этот материал достаточно жёсткий, он не бьётся и легко восстанавливается. Производится по тайному рецепту, который используют также для изготовления...

Лесли откашлялась ещё раз, чтобы усилить напряжение. Я невольно замерла.

– *Марципанов!* – завершила Лесли.

– Марципанов? – на миг я перестала всхлипывать и не смогла сдержать улыбку.

– Именно так, марципанов! – повторила Лесли с убийственной серьёзностью в голосе. – Настоящих, хорошего качества, с высоким содержанием миндаля.

Ещё немного, и я бы захихикала. Но вдруг мне снова вспомнилось, что я самая несчастная девочка на всём белом свете, и я пробурчала в ответ:

– Если это действительно так, тогда Гидеон *откусил* часть моего сердца! Да ещё и ободрал со всех сторон шоколадную оболочку. Ты бы видела, как он смотрел, когда... – не дав мне снова пуститься в те же горестные рассуждения, Лесли громко вздохнула.

– Гвенни, мне не хотелось этого говорить, но знай, твоё нытьё ничем помочь не сможет. Прекрати сейчас же!

– Я же не нарочно, – заверила я её. – Оно само, всё ноется и ноется. Я была самой счастливой девочкой на свете, и уже через минуту он говорит мне, что...

– Окей, Гидеон повёл себя как настоящий подлец, – яростно перебила меня Лесли. – Даже если мы и не знаем причины. То есть, как так? Почему это влюблённую девочку легче победить? Как по мне, всё устроено ровным счётом наоборот. Влюблённые девочки – это бомбы с часовым механизмом. Никогда нельзя знать наверняка, что она выкинет в следующую минуту. Гидеон и его дружок-женоненавистник граф Сен-Жермен очень сильно просчитались.

– Я-то думала, что он меня по-настоящему любит. Но он просто притворялся, а ведь это так... – Подлю? Жестоко? Ни одно слово, казалось, не может в полной мере отразить все мои чувства.

– Ах, моя дорогая! При других обстоятельствах сиди и ной сколько влезет. Но сейчас ты просто не можешь себе этого позволить. У тебя есть важные задачи, для решения которых понадобится немало энергии. Одна из таких задач – выжить, – голос Лесли казался необычно серьёзным. – Так что, сделай одолжение, возьми себя в руки!

– Химериус мне это уже говорил сегодня. До того, как он удрал, оставив меня совсем одну.

– Этот маленький невидимый монстр абсолютно прав! Мы должны сохранять свежую голову и сопоставить все факты. Фу-у, что это? погоди, я открою окно, Берти снова устроил нам газовую атаку... вот несносная собака! Так на чём я остановилась? Да, точно, мы должны понять, что твой дедушка спрятал в вашем доме, – голос Лесли немного дрогнул. – Рафаэль оказался, откровенно говоря, очень даже полезным. Может, не такой уж он и идиот, каким кажется.

– Ты имеешь в виду, каким он *тебе* кажется, – Рафаэль был младшим братом Гидеона, недавно он перешёл в нашу школу. Именно он догадался, что в загадке, которую оставил мой дедушка, идёт речь о географических координатах. Как раз в этих координатах располагается наш дом. – Как бы мне хотелось знать, насколько Рафаэль в курсе тайных знаний хранителей и путешествий во времени, которые совершает Гидеон.

– Возможно, он знает гораздо больше, чем может показаться, – сказала Лесли.

– По крайней мере, он не пытался дознаться, что к чему в моей истории, несмотря на то, что мистические триллеры последнее время пользуются в Лондоне бешеной популярностью. Достаточно разумное решение с его стороны – не задавать лишних вопросов, – тут она на секунду запнулась. – А ещё у него такие красивые глаза.

– Это точно, – его глаза были действительно прекрасными, такими же, как у Гидеона. Они были зелёными, глубокими, их обрамляли густые тёмные ресницы.

– Не то, чтобы меня это задело, просто констатирую факт...

«Я в тебя влюблён», – сказал Гидеон, вид у него был при этом совершенно серьёзным, он смотрел мне прямо в глаза. Я тоже не могла отвести от него взгляд и верила каждому его слову! Слезы снова покатались по моим щекам, я уже не могла сосредоточиться на том, что говорила Лесли.

– ... но я надеялась, что послание окажется каким-нибудь длинным письмом или, например, дневником, который бы объяснил нам всё, что все они от тебя скрывают, а может, и ещё чуть-чуть. Тогда нам не пришлось бы метаться в догадках, мы смогли бы составить настоящий план действий...

Такие глаза нужно запретить. Или хотя бы издать закон, предписывающий парням с такими прекрасными глазами носить солнечные очки. Кроме, разве что, тех, кого для равновесия природа наделила огромными ушами или чем-нибудь подобным...

– Гвенни? Ты что, опять ревёшь?

Интонация Лесли была точь-в-точь как у миссис Каунтер, нашей учительницы географии, когда она отчитывала ученика, забывшего домашнее задание.

– Милая моя! Пора бы тебе прекратить снова и снова над собой издеваться и беречь незажившие раны. Нам нужно...

– Начать думать беспристрастно! Ты права.

Мне пришлось сделать над собой недюжее усилие, я постаралась вытеснить из своих мыслей прекрасные глаза Гидеона и придать своему голосу немного большей уверенности. Надо же было отблагодарить Лесли хоть чем-то. В конце концов, именно она поддерживала меня в эти сложные дни, не требуя никаких объяснений и не придумывая никаких отговорок. Прежде чем ей это надоест, надо успеть сказать, как я рада, что она у меня есть. (Ну и что из того, если я снова немножко поплачу, на этот раз от умиления).

– А я люблю тебя ещё сильнее! – заверила меня Лесли. – Какой скучной была бы моя жизнь, не будь в ней тебя.

Когда мы распрощались и пообещали друг другу начать ложиться спать, на часах было почти двенадцать. На несколько минут я действительно почувствовала себя лучше, но сейчас, в десять минут четвёртого, мне так хотелось бы позвонить ей снова и ещё раз завести свою грустную песню сначала.

По своей природе я вовсе не была плаксой, но сейчас я страдала от любви, впервые в жизни. По-настоящему страдала.

Все остальные проблемы отодвинулись на второй план. Даже выживание казалось мне делом второстепенным.

И если уж совсем начистоту, думать о смерти было даже немножко приятно.

Я ведь буду не первой, кого любовь довела до трагического конца. И компания у меня не самая захудалая: Русалочка, Джульетта, Покахонтас, дама с камелиями, мадам Баттерфляй, – а теперь к ним присоединюсь и я, Гвендолин Шеферд. Было бы неплохо, однако, отказаться от рокового удара кинжалом в сердце. Я чувствовала себя такой разбитой, что вполне могла бы умереть от чахотки, а это гораздо возвышенней и романтичней. Бледная и прекрасная, как Белоснежка, я буду лежать на кровати, волосы красиво струятся по подушке. Гидеон встанет предо мной на колени и предастся горьким стенаниям, что же он наделал, ах, если бы он только прислушался к моим последним словам...

Но сначала мне срочно надо заскочить в туалет.

Мятный чай с большим количеством сахара и с лимоном считался в нашей семье чем-то вроде панацеи против страданий, а я выпила целый чайник этого напитка. Ведь только я вошла в дом, как мама сразу заметила, что со мной что-то не так. В этом не было ничего удивительного, потому что от постоянных слёз мои глаза стали красными как у кролика-альбиноса. Вряд ли она поверила бы истории, которую Химериус придумал для меня в качестве отговорки: будто по пути из замка хранителей домой, прямо в лимузине, меня заставили резать лук.

– Они обидели тебя, эти проклятые хранители? Что случилось? – спросила она. На этих словах мои воображаемые страхи испарились, вид у мамы был жалостливым и одновременно яростным. – Я убью Фалька, если только...

– Никто мне ничего не сделал, мам, – поспешно заверила её я. – И ничего не случилось.

– Так она тебе и поверила! Ты почему не рассказала про лук? Никогда ты меня не слушаешь! – Химериус вцепился коготками в половицу. Он – это маленькая фигурка, некогда украшавшая сточный жёлоб. У Химериуса были большие уши, крылья летучей мыши, длинный чешуйчатый драконий хвостик, а на кошачьей голове красовались два маленьких рога. К

сожалению, вид у него был куда более милый, чем его суждения, но никто, кроме меня, Химериуса не видел и не слышал, поэтому приструнить его тоже было некому.

С раннего детства я могла видеть демонов и приведений, а также разговаривать с ними, но всегда считала это лишь странной особенностью, с которой мне приходилось мириться. Но потом появилась ещё одна – куда более странная. Две недели назад я узнала, что отношусь к тайному (!) Кругу двенадцати путешественников во времени, и теперь каждый день мне придётся пару часов проводить где-нибудь в прошлом. Вообще-то это проклятие, то есть, извините, этот дар путешественника во времени должна была унаследовать моя кузина Шарлотта, она бы подошла на эту роль куда лучше моего, но выяснилось, что отдуваться за наше поколение придётся мне. На самом деле, что мне стоило догадаться об этом заранее – я всегда была очень невезучей. На Рождество, например, когда в классе все пишут на клочке бумаги своё имя, переворачивают и вытягивают листик с именем того, кому ты готовишь рождественский подарок, мне всегда выпадало имя учительницы (ну что, скажите на милость, можно подарить учительнице?). Если у меня были билеты на концерт, я обязательно заболела (это я частенько практиковала и во время каникул), а если мне во что бы то ни стало надо было выглядеть хорошо, то на лбу появлялся предательский прыщ, большой, словно третий глаз. Сначала может показаться странным, как путешествия во времени я посмела сравнивать с каким-то там прыщом, кто-то может даже позавидовать или решить, что блуждать во времени очень весело, но на самом деле это не так. Прыжки в прошлое – дело очень тяжёлое, нервное и даже опасное. Да, не стоит забывать и вот о чём: не унаследуй я этот идиотский дар, никогда бы мне не пришлось встретить Гидеона, а значит, моё сердце, не важно, из чего оно там сделано, пусть даже из марципана, было бы до сих пор целым. Гидеон, этот паршивец, тоже был одним из двенадцати путешественников во времени. Один из немногих, живущих в наши дни. Остальных можно было встретить в прошлом.

– Ты плакала, – резонно заметила мама.

– Вот видишь, – выкрикнул Химериус. – Сейчас она тебя раскусит как орешек – и бай-бай, – больше не выпустит из-под надзора ни на секунду. Что тогда получится из нашего ночного плана по поиску кладов? Ничегошеньки!

Я скорчила ему рожу, давая понять, что сегодня ночью мне точно не будет дела ни до каких кладов. Именно так следует поступать с невидимыми друзьями, если не хочешь, чтобы тебя приняли за сумасшедшего и решили, что ты разговариваешь с пустым местом.

– Срочно ври, что ты решила проверить, как действует твой газовый баллончик, и случайно пшикнула себе в глаза, – прокаркало пустое место.

Но я слишком вымоталась и устала, чтобы врать более-менее правдоподобно. Я подняла на маму свои заплаканные глаза и просто попробовала сказать ей правду, делая паузы и набираясь смелости.

– Мне... мне так плохо... просто потому что... все девочки иногда страдают.. понимаешь?

– Ах, солнышко моё...

– Но когда я созваниваюсь с Лесли, мне сразу становится лучше.

К нашему с Химериусом удивлению маму это объяснение вполне удовлетворило. Она заварила мне чаю и поставила на ночной столик чайник, а рядом с ним – мою любимую чашку в горошек. Затем она погладила меня по голове и закрыла за собой дверь. Даже традиционных замечаний вроде «Гвен! Уже начало одиннадцатого, ты болтаешь по телефону уже сорок минут! Вы же утром только виделись в школе!» мне сегодня не досталось. Иногда она действительно умела быть лучшей мамой на свете.

Со вздохом я свесила ноги с кровати, прыгнула и потопала в туалет. Почувствовав лёгкое дуновение, я обернулась.

– Химериус? Ты тут? – спросила я вполголоса и попыталась нащупать выключатель.

– Это уж как посмотреть, – отозвался Химериус, раскачиваясь вниз головой на коридорной лампе. Он зажмурился от неожиданного света. – Только если ты снова не надумаешь превратиться в маленький комнатный фонтан!

Писклявым и плаксивым, но, увы, очень похожим на мой голосом он, передразнивая, завыл:

– *А потом он сказал, что я вообще не соображаю, что говорю, а потом я говорю, да или нет, а потом он говорит – да, но только перестань плакать...*

Он театрально вздохнул.

– Из всех видов людей девчонки – самый утомительный. Хуже могут быть только бухгалтера на пенсии, продавщицы колготок и председатели садовых товариществ.

– Ничего не могу обещать, – сказала я шёпотом, чтобы не разбудить никого из домочадцев. – Давай-ка лучше не будем вспоминать сам-знаешь-о-ком, а не то фонтан может снова заработать.

– Я всё равно уже слышать не мог этого имени. Давай, что ли, займёмся, наконец, чем-нибудь полезным? Например, поищем клад?

Поспать было бы сейчас куда полезней, но я, к сожалению, чувствовала, что заснуть у меня уж точно не получится.

– Как по мне, можем начинать поиски. Но сначала пойду-ка я избавлюсь от лишнего чая.

– Чего?

Я указала на двери туалета.

– Ах вот как, – сказал Химериус. – Я пока что побуду здесь.

Моё отражение в зеркале над умывальником оказалось куда более симпатичным, чем я ожидала.

Никаких признаков чахотки, к сожалению, не было и в помине. Лишь веки немного припухли, как будто я нанесла на них слишком много теней.

– Где ты вообще пропадал-то всё это время, Химериус? – спросила я, вернувшись из туалета. – Случайно не у..?

– Не у кого? – Химериус скорчил возмущённую рожу. – Не думаешь ли ты, что я был у того, чьё имя мы решили не называть?

– Вообще-то да, – мне бы так хотелось знать, как Гидеон провёл этот вечер. Заживает ли рана на его руке? И говорил ли он с кем-нибудь обо мне? Может, он сказал что-то вроде: *«Всё это было одним большим недоразумением. Я конечно же, люблю Гвендолин. И никогда перед ней не притворялся»*.

– Ну уж нет, на это я бы не пошёл, – Химериус расправил крылья и, вспорхнув, приземлился на пол. Он еле доставал мне до колена.

– Но я вовсе не улетаю. Я как следует осмотрел дом. Если кто-то и может найти этот клад, так только я. Во-первых, потому что никто из вас не умеет проходить сквозь стены. А ещё вы не можете безнаказанно рыться в шкафчиках бабушкиного комода, как могу это делать я.

– Должны же быть хоть какие-то преимущества, если ты невидимка, – сказала я, решив при этом не упоминать, что Химериус, будучи духом, не смог бы выдвинуть даже самого маленького ящичка своими привиденческими когтями. Ни один из духов, с которыми мне довелось познакомиться, не умел передвигать предметы. Большинство из них даже на маленький сквознячок не были способны.

– Но ты ведь уже в курсе, что мы ищем вовсе не клад, а просто какое-то напутствие моего дедушки, которое должно нам помочь в дальнейшем расследовании?

– Дом битком набит разным кладоподобным хламом. Я уже молчу о всевозможных тайниках и укрытиях, – невозмутимо продолжал Химериус. Некоторые стены на втором этаже состоят из двух слоев, а между этими слоями находятся тайные ходы. Они явно не рассчитаны на толстопопых искателей приключений, слишком уж они узкие.

– Правда что ли? – Об этих ходах я до настоящего момента даже не догадывалась. – А как туда попасть?

– В большинстве комнат двери вовнутрь стен просто замаскированы обоями, но открытые ходы всё ещё сохранились в шкафу твоей двоюродной бабушки, а также за этим неуклюжим буфетом в столовой. А ещё в библиотеке – классический трюк – дверь спрятана за одним из стеллажей. От библиотеки, кстати, расходятся два потайных хода, один заканчивается прямо перед дверью мистера Бернхарда, а второй – на третьем этаже.

– Вот каким образом мистер Бернхард умудряется неожиданно возникать из ниоткуда, – пробормотала я.

– Это ещё не всё: В большой каминной трубе, которая прикреплена к стене дома номер 83, есть лестница, по которой можно выбраться на крышу. Из кухни в эту трубу уже не попадёшь, потому что камин заложили кирпичом, но в стенном шкафу, который стоит в конце коридора, есть отверстие, достаточно большое, чтобы в него смог пролезть, например, Санта Клаус. Или ваш жутковатый дворецкий.

– Или трубочист.

– А теперь поговорим о подвале! – Химериус сделал вид, будто не заметил моих слов. – Интересно, знают ли ваши соседи, что тайный ход ведёт прямёхонько к их дому? Но пауки там будь здоров – тому, кто их боится, лучше туда не соваться.

– Давай тогда сначала лучше поищем в каком-нибудь другом месте, – поспешно сказала я, забыв при этом даже, что надо говорить шёпотом.

– Если бы мы знали, что именно ищем, было бы, естественно, гораздо проще, – Химериус почесал задней лапкой подбородок. – В принципе, это может быть что угодно: чучело крокодила в чулане, бутылка виски, спрятанная за книгами в библиотеке, связка писем в тайном отделении секретера твоей двоюродной бабушки, ящик, который стоит в одном из ходов в стене...

– Ящик внутри стены? – перебила его я. – А что там ещё? Флигель?

Химериус кивнул.

– Ой, кажется, ты разбудила брата.

Я обернулась. В проходе своей комнаты стоял мой двенадцатилетний брат Ник, обе его руки были запущены в рыжие спутанные волосы.

– С кем это ты там разговариваешь, Гвенни?

– Ник, сейчас ночь, – прошептала я, – возвращайся в постель.

Ник нерешительно смотрел на меня, и я чувствовала, как он просыпается с каждой секундой.

– Что ты там говорила про ящик внутри стены?

– Я...хотела его поискать, но, наверное, подожду, пока рассветёт.

– Чушь! – сказал Химериус. – В темноте я вижу так же хорошо как... скажем, как сова. Кроме того, как же мы будем обыскивать дом, когда все проснутся. Ты же не хочешь, чтобы все они путались у тебя под ногами.

– У меня есть фонарик, – сказал Ник. – А что это за ящик такой?

– Я точно не знаю, – Я на секунду задумалась. – Возможно, его оставил дедушка.

– Ого, – заинтересованно протянул Ник. – И где же примерно спрятан этот ящик?

Я вопросительно посмотрела на Химериуса.

– Я видел его сбоку в тайном ходе, который начинается за толстым всадником с бакенбардами, – сказал Химериус. – Но кто же будет прятать секретные материалы... ну, или клад, в какой-то скучной коробке? Крокодил, как по мне, гораздо лучше подходит на роль тайника. Кто знает, чем он там набит? Предлагаю его вспороть.

Мы с крокодилом как-то раз уже встречались, поэтому мне не очень хотелось продолжать это знакомство.

– Сначала мы заглянем в этот ящик. Ход в стене – это уже интересно.

– Скукота-а-а-а! – прокудахтал Химериус. – Может, старик просто прятал там табачок от своей жёнушки... или... – в голову ему пришло что-то весёлое, потому что Химериус вдруг совсем оживился и заулыбался, – ... или труп невоспитанной служанки!

– Ящик стоит внутри тайного хода, который начинается от портрета прапрапрадедушки Хью, – объяснила я Нику. – Но...

– Я только сгоняю за фонариком! – братишка уже развернулся и скрылся в комнате. Я вздохнула.

– Ну и что ты опять вздыхаешь? – Химериус скорчил рожу. – Что плохого, если он пойдёт с нами?

Он расправил крылья.

– Я быстро облечу дом, погляжу, спят ли остальные глубоким и спокойным сном. Мы же не хотим спалиться на глазах твоей любопытной тётки как раз в тот момент, когда будем доставать дедушкины алмазы.

– Какие ещё алмазы?

– Думай о хорошем! – крикнул Химериус, улетаая. – Что бы тебе хотелось найти? Алмазы или кости невоспитанной гувернантки? Главное – настроиться на правильный лад. Встречаемся перед толстым дядюшкой на кляче.

– Ты что, разговариваешь с привидением? – Ник снова появился за моей спиной, он потушил свет в коридоре, а вместо него включил свой фонарик.

Я кивнула. Ник ни разу не усомнился в том, что я могу видеть духов и привидений, даже наоборот. Ещё когда ему было четыре года (мне тогда было восемь), он изо всех сил защищал меня, если кто-то не верил моим рассказам, как, например, тётя Гленда. Каждый раз мы ссорились, когда приходили в универмаг «Harrods», и, переступая порог, я здоровалась с милым мистером Гриззлом в красивой униформе. Мистер Гриззл на то время уже пятьдесят лет как был мёртв, поэтому никто не понимал, почему я останавливалась перед входом и начинала вещать о монаршей семье (мистер Гриззл был ярым почитателем Королевы) или о засушливом июне (погода была второй любимой темой мистера Гриззла).

Одни смеялись, другим детское воображение казалось «божественным» (в большинстве случаев они подтверждали это высказывание, поглаживая меня по голове), третьи молча качали головой, но никто так сильно не злился, как моя тётя Гленда. Она краснела, тихо ругалась и продолжала тащить меня вовнутрь, если я упиралась, она указывала на Шарлотту и требовала брать пример с неё (Шарлотта, кстати, уже тогда была такой идеальной, что даже шпилька никогда не выпадала из её волос). Но самой большой подлостью с её стороны было то, что она грозила лишиться меня десерта. Иногда она действительно приводила свои угрозы в действие (а я любила все десерты без исключения, даже сливовый компот), но я просто не могла себе позволить молча пройти мимо мистера Гриззла. Каждый раз Ник старался мне хоть чем-нибудь помочь, он умолял тётю Гленду оставить меня в покое, ведь у бедного мистера Гриззла нет больше ни одной живой души, с которой он мог бы поболтать, но каждый раз тётя Гленда умело парировала его замечания.

Приторным голосом она говорила что-то вроде: «Ах, малыш Ник, когда же ты, наконец, поймёшь, что твоя сестра просто хочет хоть как-то выделиться? Никаких привидений не существует! Или, может, ты тоже видишь кого-нибудь из них?»

Тогда Ник понуро качал головой, а тётя Гленда победно хохотала. В тот день, после которого она решила больше никогда не брать нас с собой в универмаг, Ник вдруг изменил свою тактику. Этот малыш с пухлыми щёчками (ах, каким же он был милым ребёнком, так мило картавил!) вдруг встал прямо напротив тёти Гленды и закричал: «А знаешь, что мне только что сказал мистер Гриззл, тётя Гленда? Он сказал, что ты злая и сурашная ведьма!» Мистер Гриззл такого, естественно, никогда не говорил (для этого он был чересчур вежливым, а тётя

Гленда была слишком хорошей покупательницей), но вечером перед нашим походом мама пробормотала что-то вроде этого. Тётя Гленда крепко сжала губы и гордо прошествовала мимо нас, держа за руку Шарлотту. Дома затем разгорелся нешуточный скандал, (мама обижалась, что нам с Ником пришлось самим искать дорогу домой, а тётя Гленда сразу раскусила, что страшной, то есть, «сурашной», как выразился Ник, ведьмой обозвать её могла только сестра). Всё закончилось тем, что тётя Гленда перестала брать нас с собой. А словом «сурашная» мы частенько пользуемся и по сей день.

Когда я стала постарше, то перестала рассказывать всем подряд, что умею видеть вещи, которые скрыты от остальных.

Это самая умная тактика, если не хочешь, чтобы тебя приняли за сумасшедшую. Только от брата и сестры, а ещё от Лесли, я никогда не скрывала своих умений, эти люди верили мне всегда. Маму и бабушку Мэдди иногда было сложно понять, но, во всяком случае, они никогда не выставляли меня на посмеище. Бабушка Мэдди и на собственном опыте прекрасно знала, каково это, когда тебе никто не верит, потому что время от времени у неё случались престранные видения.

– Оно симпатичное? – прошептал Ник. Луч света, исходивший от его фонарика, дрожал и перепрыгивал по ступенькам.

– Кто?

– Привидение.

– Сойдёт, – пробормотала я, не отклоняясь от правды.

– А как оно выглядит?

– Довольно мило. Но оно думает, что вид у него ужасно опасный.

Пока мы на цыпочках пробирались на третий этаж, где жили тётя Гленда и Шарлотта, я попыталась как могла описать брату Химериуса.

– Ух ты, – прошептал Ник. – Невидимый домашний питомец! Вот это тебе повезло!

– Питомец! Только не вздумай назвать так Химериуса, когда он вернётся.

Проскальзывая мимо комнаты моей кухни, я так надеялась услышать, как та храпит во весь голос. Но, конечно же, не уловила ни звука. Идеальные девочки не издают во время сна никаких некрасивых звуков. Сурашно.

Мы спустились ещё на пол-этажа вниз, и тут Ник принялся широко зевать. Меня обуяло чувство вины.

– Послушай, Ник, сейчас полчетвёртого утра, тебе скоро идти в школу. Мама меня укошит, если разузнает, что я мешаю тебе нормально высыпаться.

– Но я совсем не хочу спать! А ты, если ты вдруг решишь продолжить без меня, это будет просто подло с твоей стороны! Что же дедушка там спрятал?

– Понятия не имею. Может, книгу, в которой он всё объясняет. Или хотя бы письмо. Дедушка был Магистром Ложи хранителей. Он прекрасно знал всё обо мне и об этой канители с прыжками во времени. К тому же, он точно знал, что вовсе не Шарлотта унаследовала этот ген. Потому что я встретила его самого в прошлом и рассказала ему об этом.

– Вот и хорошо сделала, – прошептал Ник и почти пристыжено добавил: — Честно говоря, я почти его забыл. Помню только, что он всегда был в хорошем настроении и никогда не сердился на нас, в отличие от леди Аристы. А пахло от него всегда карамелью и какими-то смешными пряностями.

– Это из-за табака, он курил трубку. Осторожно! – я успела удержать Ника, прежде чем он наступил на следующую половицу. Мы миновали третий этаж, но чтобы добраться до второго, нам надо было преодолеть парочку гнусных ступенек, которые страшно скрипели. Многолетняя практика проскальзывания ночью в кухню за сладостями должна была хоть чему-то меня научить. Мы обошли опасные места и добрались, наконец, до портрета прапрапрадедушки Хью.

– Ну что ж, попробуем!

Ник осветил фонариком лицо нашего предка.

– Как всё-таки некрасиво с его стороны было обозвать лошадь Толстушкой Энни! Лошадь-то как раз стройна как берёзка, а вот сам он похож на откормленного поросёнка с бородой!

– Да, мне тоже так кажется, – я нащупала за холстом ручку, которая приводила в действие механизм потайной двери. Он, как всегда, немного заедал.

– Все спят как младенцы, – Химериус приземлился на ступеньку около нас. – Все, кроме мистера Бернхарда. У него, очевидно, бессонница. Но не волнуйся, этот нам не помешает. Я застукал его в кухне, он там подъедает холодные куриные колбаски и смотрит фильм с Клинтом Иствудом.

– Вот и хорошо, – с привычным скрежетом картина подалась вперёд, и перед нами открылся вход – пара ступенек между стенами, которые вели к следующей двери. Через неё можно было попасть в ванную на втором этаже, с другой стороны она была замаскирована зеркалом длиной в человеческий рост. Раньше мы часто бегали туда, нам нравилось щекотать себе нервы, ведь никогда нельзя было знать наверняка – вдруг в ванной кто-нибудь моется. Но настоящие применение этого тайного хода так и осталось для нас загадкой.

Может, кто-то из наших предков просто любил вдруг без предупреждения пропадать и появляться в другом месте.

– Так где же стоит этот ящик, Химериус? – спросила я.

– Шлева. Мешду штен, – я не могла точно рассмотреть в полутьме, что там делает Химериус, но казалось, будто он пытается что-то выплюнуть.

– Химериус – такое имя и не сразу выговоришь, – сказал Ник. – Я бы называл его Хемик. Или Мерик. Можно я принесу этот ящик?

– Он стоит слева, – сказала я.

– *Хемик* или *Мерик* – не дожждётесь! Да я наследник шлавного рода могущественных демонов. Наши имена...

– Скажи, ты что там жуёшь?

Химериус что-то выплюнул и причмокнул.

– Уже ничего. Полакомился тут одним голубком, который заснул на крыше. Перья, будь они неладны.

– Но ты ведь не умеешь есть!

– Кое-кто вообще ничего не знает, но так и лезет вставить свои пять копеек, – обиженно пробубнил Химериус. – И даже маленького голубочка мне не простит.

– Ты не можешь съесть никакого голубочка, – повторила я. – Ты – привидение.

– Я *демон*! И могу пожирать всё, что только захочу! Однажды я проглотил целого священника, вместе с сутаной и стоячим воротничком. Ты что так недоверчиво смотришь?

– Следи лучше, чтобы никто нас не застукал.

– Эй! Ты что, не веришь мне?

Ник тем временем спустился вниз и осветил проём стены своим фонариком: – Ничего я тут не вижу.

– Так ведь ящик-то за кирпичами. В потайной комнате. Ты, тупица, – сказал Химериус. – И я не вру! Если говорю, что съел голубя, значит, съел! И всё тут!

– Он в комнате за кирпичами, – просветила я Ника.

– Но мне не кажется, что я смогу отодвинуть хоть какой-то из этих камней, – мой младший братишка встал на колени и для пробы нажал на стену в некоторых местах.

– Э-э-эй! Я с тобой разговариваю! – сказал Химериус. – Ты что, решила меня не замечать, а, плакса-вакса?

Я ничего не ответила, и тогда он закричал:

– Ладно-ладно! Это был *привиденческий голубь*! Но он ведь тоже считается.

– Привиденческий голубь, ой, насмешил. Если бы даже и существовало какое-нибудь там привидение в виде голубя, ты бы всё равно не смог его съесть. Духи не могут убивать друг друга.

– Они сидят как влитые, все эти кирпичи, сдвинуть из невозможно, – отчитался Ник. Химериус рассерженно фыркнул.

– Так, во-первых, даже голуби иногда решают остаться на земле после своей смерти, кто их знает, зачем. Может, не свели счёты с какой-нибудь там кошкой. Во-вторых, объясни мне, будь добра, как ты собираешься отличить привиденческого голубя от любого другого? И в третьих: их привиденческой жизни конец, когда они попадают ко мне в пасть, потому что, не знаю, сколько раз можно тебе повторять, я – *демон*! В вашем мире со мной не слишком-то считаются, но в мире привидений я довольно большая шишка. И когда ты, наконец, это поймёшь?

Ник снова стал перед стеной и пару раз ударил по ней ногой.

– Нет, ничего не получится.

– Ш-ш-ш! Перестань, это слишком громко.

Я высунула голову из прохода и с укором посмотрела на Химериуса.

– Ну, шишка, что скажешь?

– О чём? Заметь, ни о каких кирпичах, которые можно было бы сдвинуть, я не упоминал.

– И как же нам туда добраться?

– С помощью молотка и зубила, – последовал ответ.

Но дал его вовсе не Химериус, а мистер Бернхард. Я замерла от страха. Он стоял всего в каком-то метре от меня. В полутьме я видела, как сверкала золотая оправа его совиных очков. И его зубы. Может, он улыбался?

– Вот чёрт! – Химериус от волнения сплюнул струйку воды прямо на перила. – Он что, проглотил все сосиски одним махом? Или, может, фильм попался никудышный. На Клинта Иствуда больше никакой надежды.

К сожалению, я не смогла ответить ничего вразумительного, и лишь тихо пробормотала:

– Что-что?

– Молоток и зубило могли бы очень пригодиться, – невозмутимо повторил мистер Бернхард. – Но я предлагаю вам отложить сие предприятие. Не стоит лишать сна остальных домочадцев, быть может, стоит достать сундук из укрытия в более благоприятное для этого время. Ах, вот и господин Ник, – он, не моргая, глядел прямо на свет фонарика. – Босиком! Да вы же простудитесь, – сам он был в тапочках и элегантном халате с вышитой монограммой «В.Б.» (Вальтер? Вилли? Вайдженд? Для меня мистер Бернхард всегда был человеком без имени).

– Откуда вам известно, что мы ищем именно ящик? – спросил Ник. Голос его звучал довольно бойко, но в его широко открытых глазах читался такой же страх и такое же смущение, которое ощущала и я.

Мистер Бернхард поправил очки.

– Ну, предположительно, потому что этот, как вы выразились, *ящик*, я замуровал туда собственными руками. Речь идёт о резном инкрустированном драгоценными камнями сундуке, это антиквариат начала восемнадцатого века, который принадлежал вашему деду.

– А что внутри? – спросила я, когда ко мне снова вернулся голос.

Мистер Бернхард с упрёком посмотрел на меня.

– Само собой разумеется, я не посмел задать подобный вопрос. Я всего лишь спрятал здесь этот сундук по приказу вашего деда.

– Да прям там. Так я ему и поверил, – мрачно прокомментировал Химериус. – Этот-то суёт свой любопытный нос куда попало. И крадётся тихо, как мышь, расправившись в укромном местечке со всеми куриными колбасками. Это всё из-за тебя, недоверчивая брызгалка

слезами! Если бы ты не пыталась постоянно вывести меня на чистую воду, он бы не застал нас так неожиданно, этот старикан.

– Разумеется, я с радостью помогу вам достать этот сундук, – продолжал мистер Бернхард. – В нашем распоряжении сегодняшний вечер, когда ваша бабушка и тётя отправятся на встречу дам Ротари клуба. В связи с чем я предложил бы вам вернуться в постель, ведь скоро утро, а затем вам предстоит ещё провести целый день в школе.

– Ага, как бы не так. Только мы уйдём, как он достанет из стены эту штуковину, и дело с концом, – сказал Химериус. – Приберёт к рукам все алмазы, а для нас положит в ящик парочку гнилых орехов. Знаем мы таких помощников!

– Чепуха, – пробормотала я. – Если бы мистер Бернхард хотел поступить именно так, он давно бы уже это сделал, ведь никто, кроме него, об этом ящике не догадывался. Что же это может быть, что наш дедушка мог замуровать в собственном доме?

– Почему вы хотите нам помочь? – спросил Ник. Этот вопрос вертелся и в моей голове, но Ник неожиданно опередил меня.

– Потому что я отлично умею обращаться с молотком и зубилом, – сказал мистер Бернхард. Понизив голос, он добавил: – Потому что ваш дед, к превеликому сожалению, не может быть с нами, чтобы посодействовать мисс Гвендолин.

Мне снова показалось, что мою шею сдавили жгутами, я чувствовала, что вот-вот расплачусь.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Не стоит радоваться прежде времени. Ключ от сундука.. утерян. Не знаю, повернётся ли у меня рука на то, чтобы пойти с ломом на это произведение искусства, – мистер Бернхард вздохнул.

– То есть вы ничего не скажете нашей маме и леди Аристе? – спросил Ник.

– Ни единого слова, если вы сейчас же отправитесь спать.

Передо мной в полутьме снова блеснули его зубы, затем он развернулся и зашагал вверх по лестнице.

– Спокойной ночи. Попробуйте всё-таки хоть ненадолго заснуть.

– Спокойной ночи, мистер Бернхард, – пробормотал Ник.

– Старый хрыч, – каркнул Химериус, – я за тобой слежу теперь во все глаза, так и знай!

Глава вторая

*Круг крови отныне сомкнутся стремится,
А Камень Всезнания с Вечностью слиться;
В одеждах девичьих вновь сила возрастёт
И с магией этой Бессмертье найдёт.*

*Но бойтесь двенадцати звёзд хоровод!
Отныне судьбы не изменим мы ход,
Вмиг юность исчезнет, дуб древний сражён,
Начнётся закат предвечных времён!*

*Но если потухнет одна лишь звезда,
Орёл вечной цели достигнет тогда.
Внимайте! Звезда от любви сгорит лишь тогда,
Коль на муку и гибель решится сама.*

Из тайных записей графа Сен-Жермена

– Ну и? – наша одноклассница Синтия выросла перед нами, грозно выставив руки в боки, и преградила нам путь на второй этаж.

Другие ученики протискивались справа и слева, злясь на неожиданную пробку.

Синтия пропускала все замечания мимо ушей. Она теребила в руках свой противный галстук. Каждый ученик Сент-Леннокса был обязан носить такой галстук, потому что это была часть школьной формы. Выражение лица у Синтии было довольно суровым.

– Как представить остальным, кем и с кем вы будете на празднике?

Синтия пригласила нас в воскресенье на свой день рождения, каждый год она устраивала в этот день костюмированную вечеринку.

Лесли нервно отмахнулась.

– Тебе кто-нибудь говорил, Син, что из года в год ты становишься всё более странной? То есть, ты всегда была немного не в себе, но последнее время состояние всё ухудшается и ухудшается. Разве можно выпрашивать у гостей, какой костюм они собираются надеть?

– Точно! Не волнуйся, мы обязательно придём, одна не останешься, – я попробовала проскочить мимо Синтии.

Но её рука молниеносно схватила меня за локоть.

– Каждый раз я стараюсь придумать какую-нибудь интересную тему для вечеринки, но потом обязательно находится хоть один ленивый пройдоха, который одевается как попало, – сказала она. – Вот вспомнить хотя бы Карнавал зверей. Некоторые воткнули себе в волосы по паре перьев и кричали всюду, что это, видите ли, такой у них костюм курицы! Да, Гвенни, твой виноватый взгляд уже ничего не исправит. Я-то знаю, кому в голову пришла эта идея.

– Не у каждого ведь есть мама, которая обожает мастерить из папье-маше маски в виде слоновьей морды, – сказала Лесли, а я просто угрюмо пробормотала: «Мы должны спешить».

Я едва сдержалась, чтобы не выложить Синтии, насколько безразлична мне была сейчас её вечеринка со всеми костюмами вместе взятыми. Но по моему лицу, кажется, всё было понятно без слов.

Но Синтия не собиралась ослаблять хватку.

– Помните нашу пляжную вечеринку маленьких барби?

Кажется, у Синтии мурашки побежали по коже при одном лишь воспоминании об этой вечеринке. И не зря. Она глубоко вздохнула.

– На этот раз я хочу действовать наверняка. «Зелёный зелёного зеленее» – такое прекрасное название для вечеринки, и я никому не позволю испортить мне праздник. Давайте я всё же проясню вам ситуацию: зелёный лак на ногтях или платочек на шее не считаются.

– Может, тебе зарядить кулаком в глаз, тогда ты нас пропустишь? – прошипела я. – До вечеринки фингал точно позеленеет.

Синтия пропустила мои слова мимо ушей.

– Например, у меня будет костюм цветочницы викторианской эпохи Элизы Дулитл. Сара переоденется стручком перца, гениальный наряд, вот только не знаю, что она будет делать, если вдруг захочет в туалет. Гордон придёт в штанах и рубашке из искусственного газона и будет изображать поле с маргаритками.

– Син... – к сожалению, отодвинуть её было невозможно.

– А вот Шарлотта вообще заказала костюм у швеи, но кем она будет – это пока тайна. Правда, Шарлотта?

Моя кузина Шарлотта изо всех сил старалась остановиться рядом с нами, но волна пятиклассников безжалостно уносила её вверх по лестнице.

– Вообще-то, ничего сложного тут нет, думаю, вы и сами догадаетесь. Скажу только, что для костюма мне понадобился тюль семи оттенков зелёного. И, кстати говоря, сопровождать меня будет сам король эльфов, – на последнем предложении ей уже пришлось повысить голос, она прокричала его через плечо, уносимая пятиклашками, и многозначительно мне улыбнулась. Эту улыбку я уже имела счастье лицезреть сегодня за завтраком. Тогда мне пришлось сдержаться, чтобы не запустить в кухню сочным помидором.

– Bravo, Шарлотта, – довольным голосом провозгласила Синтия. – Вот, учитеcь, – придёт в зелёном и в сопровождении парня. Так поступают самые дорогие гости.

Что за парень мог сопровождать Шарлотту на вечеринку? Уж не... – нет, исключено. Гидеон никогда бы не прицепил себе острые эльфийские уши. Или всё-таки прицепил бы?

Я посмотрела вслед Шарлотте. Даже в толпе она не теряла чувства собственного достоинства – плыла сквозь море снующих школьников, словно королева.

Её сияющие рыжие волосы были подобраны и уложены на голове изящными старомодными косами. Девчонки из младших классов смотрели на Шарлотту во все глаза, в их взглядах читалось такое презрение и восхищение, которое возникает только от сильной зависти.

Наверное, завтра в нашей школе куда ни плюнь – везде попадёшь в такие же изящные винтажные косицы.

– Внимание, мой вопрос: в каком костюме и с кем вы придёте на вечеринку? – не отставала Синтия.

– В костюме марсиан, о, гостеприимнейшая из хозяек, – ответила Лесли, театрально вздохнув. – А вот кого мы с собой возьмём – это пока тайна. Преподнесём вам сюрприз.

– Ну, ладно, – Синтия отпустила мою руку. – Марсиане, значит. Не слишком-то красиво, зато оригинально. И не смейте передумать.

Не прощаясь, она тут же переключилась на следующую жертву.

– Кэти! Эй! Стоять! Хочу поговорить с тобой о вечеринке.

– Марсиане? – повторила я, по привычке заглядывая в арку, под которой любил посиживать Джеймс, наше школьное приведение. Сегодня утром под аркой никого не было.

– Нужно же было от неё как-нибудь отделаться, – сказала Лесли. – Вечеринка! Будто нам сейчас делать больше нечего, как только придумывать дурацкие костюмы.

– Что-что? Вечеринка? Я с вами! – позади нас из толпы неожиданно вынырнул Рафаэль, брат Гидеона, и тут же, протиснувшись, встал между нами, взял меня под руку и, как ни в

чём ни бывало, приобнял Лесли за талию. Его галстук был завязан очень странным способом. Присмотревшись, я поняла, что это двойной узел.

– А я уж было подумал, что вы, англичане, вообще не любите праздники. Вот возьмём, например, обычный паб, он же закрывается непростительно рано, просто в детское время.

Лесли энергично замотала головой:

– Нет, должна тебя расстроить, но ничего весёлого тут не намечается. Речь идёт о вечеринке с переодеваниями, которую каждый год устраивает наша Синтия. Родители при этом охраняют буфет, чтобы никто случайно не схватил ничего спиртного или слишком вкусный десерт.

– Но зато они всегда играют с нами в о-о-очень весёлые игры, – попробовала я защитить родителей Синтии.

– К тому же, они единственные выходят танцевать.

Я вскользя глянула на Рафаэля и тут же отвела взгляд – он так напоминал брата, что вытерпеть это было просто невозможно.

– Честно говоря, очень странно, что Син не пригласила тебя сама.

– Отчего же, пригласила, – Рафаэль вздохнул. – Но я сказал, что у меня уже есть планы на этот день. Терпеть не могу всякие тематические вечеринки, на которые гостей заставляют приходить в костюмах. Но если бы я знал, что вы обе там будете...

Только я хотела помочь ему перевязать галстук (в этом вопросе школьные правила не допускали поблажек), как он снова положил руку на талию Лесли и весело сказал:

– А ты рассказала Гвендолин, что мы разгадали координаты клада из вашего мистического квеста?

– Да, – коротко ответила Лесли. Я заметила, что на этот раз она пытается отделаться от Рафаэля.

– И каково же новое задание в вашей игре, малышка?

– Вообще-то, речь идёт вовсе не об игре... – начала, было, я, но Лесли меня перебила.

– Мне жаль, Рафаэль, но ты не можешь играть дальше с нами, – холодно отозвалась она.

– Это почему? Мне кажется, это очень несправедливо!

Мне тоже такое решение казалось несправедливым. В конце концов, не было ведь даже никакой игры, из которой мы могли бы исключить бедного Рафаэля.

– Лесли просто хотела сказать, что...

Лесли снова меня перебила:

– Да, жизнь она вообще частенько несправедлива, – сказала она самым безразличным голосом, на который только была способна. – Поблагодари за это своего брата. Ты и сам, наверняка, догадываешься, но я тебе напомню, что в этой игре мы с вами по разные стороны баррикад. Поэтому рисковать мы не можем, вдруг ты передашь какие-нибудь сведения Гидеону, который, кстати говоря, оказался последним по... оказался не очень хорошим человеком, в общем.

– Лесли! – она что, совсем обалдела?

– Пардон? Неужели весь этот квест как-то связан с моим братом и путешествиями во времени? – Рафаэль убрал руки и остановился как вкопанный. – Разрешите поинтересоваться тогда, что он вам сделал?

– Перестань делать вид, будто ты вообще ни о чём таком не слышал, – сказала Лесли. – Наверняка вы с Гидеоном всё обсуждаете и постоянно перемываете нам косточки, – она подмигнула мне. Я не могла ответить ей ничем кроме удивлённого взгляда.

– Во все нет! – крикнул Рафаэль. – У нас вообще нет времени на нормальное общение! Гидеон постоянно выполняет какие-то секретные поручения. А когда он приходит домой, то сразу садится за секретные документы. Или, например, ляжет и уставится в секретные дырки в потолке. А бывает и того хуже: прискакивает Шарлотта и начинает нудить.

У него был такой несчастный вид, что мне захотелось снова подать ему руку, особенно когда он тихо прошептал: «Я-то думал, что мы друзья. Вчера вечером мне показалось, что нам хорошо вместе».

Лесли – может, лучше назвать её «моя подруга морозилка»? – лишь пожала плечами.

– Да, вчерашний вечер был очень милым. Но ведь мы совсем друг друга не знаем, давай начистоту. О какой дружбе может идти речь?

– Значит, ты просто использовала меня, чтобы определить эти координаты? – сказал Рафаэль и пристально посмотрел на Лесли, надеясь, наверное, что она тут же ему возразит.

– Как я уже говорила, жизнь часто бывает несправедливой.

Кажется, Лесли решила на этой ноте закончить наш разговор и потащила меня дальше.

– Гвен, нам надо спешить, – сказала она. – Сегодня миссис Каунтер распределяет темы рефератов. А мне совсем не улыбается возможность исследовать разливы в восточной части дельты Ганга.

Я обернулась и поглядела на Рафаэля, тот казался совсем сбитым с толку. Он попробовал засунуть руки в карманы и обнаружил, что никаких карманов в школьной форме нет.

– Ах, Лесли, ты только посмотри! – сказала я.

– ... или о всяких племенах с непроизносимыми названиями.

Я вцепилась в её руку также, как несколько минут назад Синтия вцепилась в мою.

– Что это с тобой, солнышко? – прошептала я. – Почему ты решила так с ним обойтись? Это что, часть плана, о котором мне ничего неизвестно?

– Я всего лишь стараюсь быть осторожной, – Лесли смотрела мимо меня на доску объявлений. – О, ты только посмотри! Они предлагают услуги нового агентства по украшению и дизайну интерьеров. Кстати об украшениях... – она покопалась в блузке и достала тонкую цепочку, – ты только посмотри. Помнишь, перед тем, как начались твои путешествия во времени, ты дала мне этот ключ, я до сих пор ношу его как подвеску, ну разве не круто? Если меня спрашивают, я говорю, что это ключ от моего сердца.

Попытка отвлечь меня оказалась неудачной.

– Лесли, но ведь Рафаэль не виноват, что его брат оказался таким мерзавцем. Мне кажется, можно верить его словам, он действительно ничего не знает о секретных заданиях Гидеона. Он только приехал в Англию, только пришёл в нашу школу, он никого тут не знает...

– Не волнуйся, он найдёт достаточно людей, которые о нём позаботятся, стоит ему только захотеть, – Лесли упорно смотрела мимо меня. На её носу плясали рыжие веснушки. – Вот увидишь, завтра он обо мне уже и не вспомнит, и у него будет другая «малышка».

– Да, но... – и лишь увидев, как щёки Лесли предательски покраснели, я, наконец, всё поняла. – О, до меня, наконец, дошло! Твоё поведение вовсе не связано с Гидеоном, нет, ты просто влипла – влюбилась в Рафаэля!

– Глупости. Он вообще не в моём вкусе!

Ну да. Это всё объясняет. Лесли как-никак была моей лучшей подругой, мы были знакомы целую вечность. Пусть расскажет свои сказки кому-нибудь другому. Например, Синтии.

– Пойдём, Лес. Перед кем тебе тут притворяться?

Я рассмеялась.

Лесли наконец оторвала взгляд от объявлений и с улыбкой посмотрела на меня.

– Даже если это так! Сама подумай, что будет, если мы с тобой вдвоём поддадимся гормональным взрывам и сумасшествиям! Мы не можем себе этого позволить, даже на секунду! Хватит и того, что одна из нас не совсем адекватна.

– Вот уж спасибо.

– Но это правда! Все твои мысли заняты только Гидеоном, поэтому ты просто не осознаёшь, насколько серьёзно наше положение. Тебе нужно, чтобы кто-то постоянно возвращал

тебя с небес на землю. И этим кем-то буду я. Ни за что не позволю этому французику меня охмурить, и точка!

– Ах, Лес! – неожиданно для себя я повисла у неё на шее. Ни у кого, ни у кого, ниукогошеньки на всём белом свете нет такой чудесной, сумасшедшей, умной подружки как у меня.

– Но как же это ужасно, что ради меня ты лишаешь себя возможности быть любимой и счастливой.

– Ой, только не надо сразу так преувеличивать, – фыркнула мне на ухо Лесли. – Если этот парень хотя бы наполовину похож на своего брата, уже через неделю он разбил бы мне сердце, так и знай.

– Ну и что? – сказала я и хлопнула её по спине. – Оно ведь из марципана и легко может стать таким же, как прежде.

– Только не надо шуток! Марципановые сердца – это отличная метафора, которой я, кстати, очень горжусь.

– Ну да. Пройдут года, и тебя будут цитировать на отрывных календарях по всему миру, – сказала я, – *«Сердце не может разбиться, потому что сделано оно из марципана. Метафора мудрой Лесли Хей».*

– К сожалению, вы ошибаетесь, – послышался голос. Он принадлежал мистеру Уитмену, нашему учителю английского, который этим утром тоже выглядел слишком уж хорошо.

«А вы как считаете, из чего состоит женское сердце?», – меня так и подмывало задать ему этот вопрос, но от мистера Уитмена лучше держаться подальше. Он, как и миссис Каунтер, которая любила задавать нам рефераты на экзотические темы, мог быть таким же непреклонным, внешность его была очень обманчивой.

– И в чём же, скажите, тут ошибка? – спросила Лесли, забыв обо всякой осторожности. Он посмотрел на нас с укоризной.

– Мне казалось, мы как следует разобрали с вами различие между метафорами, сравнениями, символами и аллегориями. По моему мнению, выражение «разбитое сердце» можно отнести к метафорам, но вот марципан – это что?

Кому это вообще интересно, скажите на милость? И с каких это пор уроки начинаются уже в коридоре?

– Символ... э-э-э... сравнение? – спросила я.

Мистер Уитмен кивнул.

– Именно сравнение, хоть и довольно слабое, – рассмеявшись, добавил он, – через миг выражение его лица вновь стало серьёзным. – Ты выглядишь уставшей, Гвендолин. Вероятно, позади целая ночь без сна, полная сомнений и размышлений о том, как устроен мир, не так ли?

Ну, уж... это его точно не касается. И сочувствующая интонация тут тоже ни к чему, пусть и не надеется выдавить из меня слезу.

Он вздохнул.

– Всё это – слишком серьёзное испытание для тебя, – он машинально крутил на пальце свой перстень. Такой перстень носили все члены ложи хранителей. – Это и не удивительно. Наверное, стоило попросить мистера Уайта, чтобы он прописал тебе какое-нибудь успокоительное. Хоть ночью тебе стоит отдыхать от бурных переживаний, – мой хмурый взгляд он отразил подбадривающей улыбкой, а затем резко развернулся и зашагал по направлению к нашему классу.

– Мне это послышалось, или мистер Уитмен действительно посоветовал запастись снотворным? – переспросила я Лесли, – ну, после того, как он отвесил мне комплемент, что я кошмарно выгляжу.

– Да, от него можно было ожидать! – просопела Лесли. – Днём тебе нужно исполнять всё, что скажут хранители, а ночью – спать, накачавшись снотворным, чтобы в голову случайно не

полезли глупые мысли. Но с нами этот номер не пройдёт, – она энергично потрянула головой. – Мы уж им покажем, что они тебя сильно недооценивают.

– Да ну... – протянула я, но взгляд Лесли был полон решимости.

– Разрабатываем генеральный план действий, место и время: девчачий туалет, первая перемена.

– Слушаюсь! – отозвалась я.

Мистер Уитмен, кстати, ошибся – я совсем не выглядела уставшей (на переменах я много раз удостоверюсь в этом, заглядывая в зеркало в девчачьем туалете). Странно, но я чувствовала, что успела выспаться и отдохнуть. После наших ночных поисков клада я довольно скоро снова уснула, и кошмарные мысли меня оставили. Наверное, мне даже приснилось что-то хорошее, потому что в те несколько волшебных секунд между сном и пробуждением я чувствовала себя уверенной и полной надежд. Но как только я открыла глаза, грустные воспоминания о событиях вчерашнего дня нахлынули на меня с новой силой, а первым, о чём я подумала, было: *Гидеон только притворялся.*

Но крупитцы моего предыдущего радостного настроения остались со мной на целый день. Может, всё дело в том, что мне наконец-то удалось поспать пару часов подряд. А может, во сне я осознала, что в наши дни чахотка не смертельна. А может, мои слёзные железы тоже решили передохнуть.

– Как думаешь, могло ли случиться, что Гидеон действительно хотел во что бы то ни стало влюбить меня в себя, а потом, как в стихах, и сам влюбился? – осторожно спросила я Лесли, когда после уроков мы складывали наши вещи в рюкзаки. Всё утро я даже словечком об этом не обмолвилась, чтобы сохранить ясную голову и составить наш генеральный план. Но сейчас мне необходимо было выговориться, иначе я просто лопнула бы от наплыва мыслей.

– Да, – сказала Лесли, немного помолчав.

– Правда? – ошарашено переспросила я.

– Может, именно это он хотел сказать тебе вчера. В фильмах мы всегда так переживаем, когда перед самым хэппи эндом возникают какие-то страшные недопонимания – нельзя же лишить зрителя напряжения. Но вот в реальной жизни их вполне можно избежать, всего лишь добавив чуточку общения.

– Точно! В фильме на этом месте ты всегда кричишь в экран: *Да просто скажи ему об этом, ты, нерешительная корова!*»

Лесли кивнула.

– Но в кино всегда появляется какое-нибудь препятствие. То ли собака перегрызла телефонный провод, то ли подлая завистница не передала герою записку, то ли мать уверяет, будто он переехал в Калифорнию... Ну, ты понимаешь! – она протянула расческу и внимательно посмотрела на меня. – Знаешь, чем больше я об этом думаю, тем менее реальной кажется мне идея того, что он *не* влюбился в тебя.

От облегчения мои глаза снова наполнились слезами.

– От этого он не перестаёт быть мерзавцем, но... но мне кажется, что я могла бы его простить.

– Мне тоже так кажется, – сказала Лесли, весело подмигнув, – я тут прихватила водостойкую тушь и блеск для губ – тебе дать?

Вреда они точно не причинят.

Из класса мы снова вышли последними. Я чувствовала себя такой счастливой, что Лесли просто обязана была успокоить меня тычком в бок.

– Мне бы не хотелось охладить твоё воодушевление, но вполне может оказаться, что мы просчитались. Просто потому что насмотрелись романтических фильмов.

– Да знаю я, знаю, – сказала я. – О, а вот и Джеймс, – я обернулась. Почти все ученики уже направились к выходу, поэтому лишь немногие удивлённо косились на меня, когда я разговаривала с пустой аркой.

– Привет, Джеймс!

– И я вас приветствую, мисс Гвендолин, – на нём как всегда были сюртук с цветочками, укороченные брюки с манжетами и кремовые чулки. Обут он был в парчовые туфли с серебряными пряжками, а его шейный платок был повязан таким изящным и мудрёным способом, что просто невозможно было поверить, будто он сделал это сам. Но самыми странными были его кудрявый парик, слой пудры на лице, и накладные пятна, которые он почему-то называл «мушками». Безо всей этой чепухи и в нормальных шмотках Джеймс выглядел бы очень даже неплохо.

– Где ты пропадал сегодня целый день, Джеймс? Мы же договаривались встретиться на второй перемене, ты что, забыл?

Джеймс покачал головой.

– Ох уж эта лихорадка! Этот сон мне вовсе не по душе. Здесь всё так... отвратительно! – он тяжело вздохнул и закатил глаза к потолку. – Я задаю себе один и тот же вопрос: какие невежды могли закрасить столь прекрасные фрески? Мой отец истратил на них целое состояние. Милее всех моему сердцу пастушка посередине, она изображена так искусно, пусть даже матушка не устаёт повторять, что одета она слишком фривольно.

Джеймс печально посмотрел на меня, затем на Лесли, причём его взгляд задержался на плиссированных школьных юбках выше колен, а потом и на самих наших коленках.

– Знала бы бедная маменька, во что будут обряжены герои моего болезненного забытья, ах, как бы она испугалась! Надо сказать, я и сам напуган. Никогда бы не подумал, что моё воображение обладает столь испорченным вкусом.

Кажется, денёк у Джеймса выдался не ахти.

Хорошо хоть, что Химериус (которого, кстати, Джеймс терпеть не мог!) решил остаться сегодня дома (чтобы не спускать глаз с сокровищ и с мистера Бернхарда, как он уверял. Мне же казалось, что он просто хотел снова позаглядывать через плечо бабушки Мэдди, которая как раз читала очередной бульварный роман).

– Испорченный вкус! Что за удивительный комплимент, Джеймс, – мягко заметила я. Мне давно уже надоело объяснять бедному призраку, что он не спит и не бредит, а на самом деле умер примерно двести тридцать лет тому назад. Могу представить, насколько неприятно слышать такое в свой адрес.

– До этого доктор Бэрроу снова лечил меня кровопусканием, и я даже сделал пару глотков, – продолжал он.

– Мне так хотелось бредить в этот раз о чём-нибудь Другом, но, увы... я снова здесь.

– Вот и хорошо, – радостно сказала я. – Мне бы очень тебя не хватало.

Губы Джеймса растянулись в улыбке.

– Да, я лишь лгал сам себе, повторяя, что вычеркнул вас из своего сердца. Вы хотите продолжить наши уроки хороших манер?

– К сожалению, мы уже спешим. Но завтра как обычно, правда?

На лестнице я снова обернулась и спросила:

– Да, кстати, Джеймс, в 1782 году, в сентябре, как там звали твоего любимого коня?

Двое мальчишек, которые как раз несли по коридору стол с проектором, остановились как вкопанные, а Лесли захихикала, когда оба одновременно отозвались:

– Это ты мне?

– В прошлом году? В сентябре? – переспросил Джеймс.

– Конечно же, Гектор. Он всегда будет моим излюбленным скакуном. Самая величественная пегая лошадь, которую лишь можно представить.

– А какое твоё любимое блюдо?

Мальчишки с проектором тарасились на меня как на сумасшедшую. Джеймс нахмурился.

– К чему эти вопросы? Я вовсе не голоден.

– Ну, это может подождать до завтра. Пока, Джеймс.

– Меня зовут Филни, ты, дурочка, – сказал один из мальчишек, а второй улыбнулся и добавил:

– А меня – Адам, но ты не волнуйся! Обойдёмся без деталей, можешь называть меня Джеймсом, если тебе так хочется.

Не обращая на них ни малейшего внимания, я подхватила Лесли под руку, и мы побежали вниз.

– Земляника! – крикнул мне вслед Джеймс. – Земляника – вот моё самое любимое из блюд!

– Это ещё зачем? – хотела знать Лесли, пока мы спускались по лестнице.

– Когда мы с Джеймсом встретимся на этом балу, я хочу предупредить его, что он заразится оспой, – объяснила я. – Ему всего двадцать один. Слишком ранняя смерть, тебе не кажется?

– Но можно ли тебе в это вмешиваться? Ну, ты же знаешь, судьба, предопределение, всё такое.

– Да, но ведь почему-то он до сих пор тут ошивается. Может, моя судьба именно в том, чтобы ему помочь.

– И поэтому тебе снова надо попасть на этот бал? – спросила Лесли.

Я пожала плечами.

– Наверное, всё это записано графом Сен-Жерменом в этих дурацких хрониках. Чтобы получше со мной познакомиться, или что-то в этом роде.

Лесли многозначительно подняла брови.

– Что-то в этом роде.

Я вздохнула.

– Как бы там ни было. Бал состоится в сентябре 1782-го, а заболеет Джеймс уже в 1783 году. Если мне удастся его предупредить, он бы мог, например, уехать в деревню, как только услышит о начале эпидемии. Или, по крайней мере, будет держаться подальше от этого лорда Дингенса. Ты чего смеёшься?

– То есть, ты скажешь ему, что прилетела из будущего, и что скоро он заболеет оспой? А в доказательство тому назовёшь имя его любимой лошади?

– Ну... план пока находится в разработке.

– Лучше бы ты сделала ему прививку, – сказала Лесли и толчком открыла дверь во двор. – Но это будет не так-то просто.

– Ну и что. Разве остались на свете простые вещи? – сказала я и простонала: – О, нет!

Шарлотта стояла возле лимузина, который сегодня, как и каждый день, отвозил меня в штаб-квартиру хранителей. А это могло значить только одно: сегодня меня снова будут пытаться менуэтами, реверансами и Великой осадой Гибралтара.

Крайне полезные знания для подготовки к балу 1782 года, по крайней мере, так считали хранители.

Странно, но сегодня, увидев Шарлотту, я расстроилась гораздо меньше обычного, наверное, я слишком переживала из-за скорой встречи с Гидеоном.

Лесли прищурилась.

– А что это за тип там, рядом с Шарлоттой? – она указала на рыжего мистера Марли, адепта первого уровня, который отличался не только своим званием, но и способностью краснеть до самых кончиков ушей. Он стоял рядом с Шарлоттой, втянув голову в плечи.

Я объяснила Лесли, кто это.

– Мне кажется, он боится Шарлотту, – добавила я. – Но вообще, наверное, считает её восхитительной.

Шарлотта, заметив нас, нетерпеливо махнула рукой.

– Как бы там ни было, но с точки зрения цветовой гаммы они прекрасно друг другу подходят, – сказала Лесли и обняла меня. – Удачи. Помни всё, о чём мы с тобой сегодня говорили. Будь осторожна. И пожалуйста, сфотографируй для меня этого мистера Джордано!

– Джордано, прошу вас, просто Джордано, – передразнила я, пытаюсь говорить в нос, как это делал мой учитель. – До вечера.

– Да, вот ещё что, Гвенни. Не сдавайся Гидеону слишком быстро, договорились?

– Ну, наконец-то! – пробурчала мне в лицо Шарлотта, когда я подошла к машине. – Мы ждём тут уже целую вечность. И все на нас пялятся.

– Когда тебе это мешало, скажи. Привет, мистер Марли. Как у вас дела?

– Э-э-э... хорошо. Э... а у вас? – мистер Марли снова покраснел.

Мне было его жалко. Я тоже достаточно легко заливалась краской, но мистер Марли не ограничивался красными щеками, его уши и шея тоже приобретали цвет спелого помидора. Вот уж кому не позавидуешь!

– Просто чудесно, – сказала я. Посмотрела бы я на его лицо, скажи я, например, «хреново».

Он открыл дверцу автомобиля, и Шарлотта грациозно впорхнула внутрь – она присела на заднее сидение, а я плюхнулась напротив.

Машина тронулась. Шарлотта смотрела в окно, а я, уставившись в пустоту, размышляла, какую тактику лучше выбрать в общении с Гидеоном: быть холодной и непреступной, подчеркнута дружелюбной или безразличной. Я злилась на себя за то, что не обсудила этот вопрос с Лесли. Когда лимузин выехал наверх к Стрэнду, Шарлотта перевела взгляд из окна на свои ногти. Затем она внезапно подняла глаза, осмотрела меня с ног до головы изучающим взглядом и злорадно спросила:

– С кем же ты собираешься быть на вечеринке у Синтии?

Кажется, она напрашивалась на серьёзную ссору. Как хорошо, что мы уже подъезжали. Лимузин проскользнул на парковку делового центра Лондона.

– Что тебе сказать, я пока не решила, может, с лягушонком Кермитом или со Шреком, если он найдёт для меня время.

– Гидеон хотел пойти туда со мной, – сказала Шарлотта, с интересом заглянув мне в лицо. Было видно, что ей не терпится узнать, как я на это отреагирую.

– Очень мило с его стороны, – дружелюбно сказала я и улыбнулась.

Мне ничуть не сложно было это сделать, потому что в глубине души я решила для себя всё, что касалось Гидеона.

– Прямо не знаю, смогу ли я принять его предложение, – Шарлотта вздохнула, но взгляд её при этом остался таким же выжидающим, – он наверняка будет чувствовать себя страшно неловко среди этой малышни. Гидеон и так слишком часто жалуется мне, что ему приходится сталкиваться с наивностью и незрелостью некоторых шестнадцатилетних...

На долю секунды мне даже показалось, что её слова могут быть правдой, а не просто попыткой меня позлить. Но если и так, ни за что не доставлю ей наслаждения задеть меня за живое.

Я кивнула, всем видом выражая сочувствие:

– Как хорошо, что он будет находиться в обществе такой зрелой и уравновешенной дамы как ты, Шарлотта, а если ему этого недостаточно, он всегда может обсудить с мистером Дейлом фатальные последствия юношеского алкоголизма.

Машина остановилась на специально выделенном для её парковки месте, прямо перед домом, в котором вот уже несколько столетий располагалась штаб-квартира ложи хранителей.

Водитель выключил мотор, и в тот же момент мистер Марли выпрыгнул с переднего сидения. Но я всё же успела открыть дверцу раньше него. Теперь мне слишком хорошо было известно, как чувствует себя королева. Бедняжка, даже выйти из машины сама не может.

Я схватила рюкзак и выбралась из лимузина, оставив без внимания протянутую руку мистера Марли. Затем, стараясь, чтобы мой голос звучал весело, я произнесла:

– А зелёный – это цвет Гидеона, так сказать.

Ха! Шарлотта и бровью не повела, но в этом раунде победа осталась за мной, это было ясно. Я отошла на пару шагов, и, удостоверившись, что никто за мной не наблюдает, позволила себе победно улыбнуться.

На ступеньках, ведущих к двери штаба хранителей, на солнышке грелся Гидеон. Надо же! Я была слишком увлечена придумыванием колких ответов на вопросы Шарлотты, и даже не удосужилась оглядеться вокруг. Глупое марципановое сердце в моей груди не знало, сжаться ли ему от неприязни или забиться быстрее от радости. Завидев нас, Гидеон встал и отряхнул свои джинсы. Я замедлила шаги и попыталась сообразить, как же мне всё-таки себя вести. Моя нижняя губа так дрожала, что вариант «приветливо, но при этом подчёркнуто безразлично» не выглядел бы очень уж правдоподобно.

К сожалению, тактика «холодная и оскорблённая» тоже казалась мне невыполнимой, настолько сильно мне хотелось упасть в его объятия. Поэтому я прикусила предательскую губу и попыталась придать себе как можно более повседневный вид. Подходя к дому, я не без удовольствия отметила, что Гидеон тоже покусывает свою нижнюю губу и вообще плохо справляется с волнением.

Он был небрит, а его тёмные локоны выглядели так, будто расчёска их и не касалась, в лучшем случае он пригладил их рукой. Но даже в таком виде Гидеон казался мне невероятно красивым.

В нерешительности я остановилась прямо перед входом, и несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза.

Затем он перевёл взгляд на фасад соседнего дома и одарил меня безразличным «Привет!».

Я не поняла, обратился ли он ко мне или к кому-нибудь другому, а тем временем Шарлотта проскочила мимо меня и поднялась по ступенькам к двери. Она обвила руку вокруг шеи Гидеона и поцеловала его в щёку.

– Ну, привет, – сказала она.

Стоит признать, этот жест выглядел намного более элегантно, чем моё тупое стояние и глупый взгляд. Мне показалось, что мистер Марли принял моё поведение за приступ внезапной слабости, потому что он спросил:

– Может, позволите понести ваш рюкзак, мисс?

– Нет, спасибо, всё в порядке.

Я заставила себя сдвинуться с места, поправила рюкзак и зашагала дальше. Вместо того, чтобы откинуть назад волосы и смерить Гидеона и Шарлотту ледяным взглядом, я еле вскарабкалась по ступенькам с таким усилием, будто превратилась в старую виноградную улитку. Может, мы с Лесли действительно посмотрели слишком много романтических фильмов.

Но Гидеон пропустил Шарлотту вперёд и взял меня за руку.

– Можно с тобой поговорить, Гвен? Это не займёт много времени, – спросил он.

От облегчения мои колени чуть было не подогнулись.

– Конечно.

Мистер Марли нервно переступил с ноги на ногу.

– Мы немного опаздываем, – пробормотал он, уши его при этом пылали.

– Он прав, – с улыбкой прошептала Шарлотта. – Гвенни перед элапсацией должна ещё попасть на урок, а ты и сам знаешь, каким может быть Джордано, если его заставляют ждать.

Понятия не имею, как ей это удавалось, но её залихватистый смех звучал очень естественно.

– Гвенни, ты идёшь?

– Она будет на месте через десять минут, – сказал Гидеон.

– Ты не мог бы немного подождать? Джордано...

– Я сказал, десять минут! – Интонация Гидеона перешла границу вежливости и мистер Марли, казалось, не на шутку струхнул. Да и я, признаться, тоже.

Шарлотта пожала плечами.

– Как считаешь нужным, – сказала она, откинула назад волосы и прошествовала вперёд. Она-то как раз умела это делать как никто другой. Мистер Марли поспешно последовал за ней.

Когда они скрылись за дверью, Гидеон, казалось, забыл, что он собирался сказать. Он снова уставился на дурацкий фасад дома напротив и стоял так, потирая затылок, будто у него защемило нерв. Вдруг мы одновременно вздохнули.

– Как твоя рука? – спросила я, а Гидеон в тот же момент спросил:

– Как дела?

И мы не могли не улыбнуться друг другу.

– Моя рука чувствует себя просто отлично.

Наконец-то он поднял на меня взгляд. О Боже! Эти глаза! Мои колени снова задрожали, я была рада, что в этот момент поблизости не было мистера Марли.

– Гвендолин, даже не представляешь, как мне жаль. Я вёл себя очень... безответственно. Ты действительно не заслужила такого отношения к себе, – вид у него был такой несчастный, что я едва могла это вынести. – Вчера вечером я позвонил тебе примерно раз сто, но твой телефон всё время был занят.

Я обдумывала как раз, что, может, стоит сократить процедуру и прямо сейчас прыгнуть в его объятия. Но Лесли меня предупреждала, чтобы я не сдавалась слишком быстро. Поэтому я лишь выжидающе подняла бровь.

– Я не хотел причинить тебе боль, пожалуйста, поверь, – сказал он, его голос звучал хрипло и серьёзно. – Вчера вечером ты выглядела такой грустной и разочарованной.

– Ну, не так всё плохо, – тихо сказала я. Мне кажется, такую ложь можно простить. Должна же я как-то отплатить ему за все пролитые слёзы и желание умереть от чахотки. – Я была просто... мне было немного больно...

– ладно, вот это уже преувеличение века! – ... осознать, что ты всего лишь играл свою роль: поцелуи, твои признания.. – я смущённо замолчала.

Сейчас он выглядел ещё более подавленно, если вообще было возможно.

– Я тебе обещаю, такого больше не повторится.

О чём это он? Что не повторится? Я что-то потеряла нить.

– Да, к тому же, теперь, когда мне всё известно, у тебя всё равно ничего не получится, – сказала я несколько более энергичным тоном. – Да, кстати, между нами, этот план всё равно был не особенно удачным. Влюблённых людей ничуть не легче обвести вокруг пальца, даже напротив! Из-за всех этих гормонов никогда нельзя предугадать, что влюблённый сделает в следующую секунду. Я сама – лучший тому пример.

– Но во имя любви порой совершают такие поступки, на которые никогда бы не решились в других обстоятельствах.

Гидеон поднял руку, будто намереваясь погладить меня по щеке, но затем снова опустил её.

– Если человек любит, любимый кажется ему важнее, чем он сам.

Если бы мы не были знакомы раньше, я могла бы подумать, что он вот-вот расплачется.

– Любящий человек приносит жертву... – это, наверное, и имел в виду граф.

– А мне вот кажется, что он вообще не знает, о чём говорит, – вызывающим тоном перебила я. – Если тебе интересно моё мнение, я скажу: в любви он разбирается так себе, а его знания женской психологии просто-таки... убоги!

А теперь поцелуй же меня, наконец, я так хочу проверить, колется ли твоя щетина.

Лицо Гидеона осветилось улыбкой.

– Может, ты и права, – сказал он и глубоко вздохнул, будто с его только что души свалился камень. – Как бы там ни было, я рад, что мы всё прояснили. Но нам же можно остаться друзьями, правда?

Что-что?

– Друзьями? – повторила я и почувствовала, как во рту у меня пересохло.

– Друзьями, которые знают, что они могут друг другу доверять и могут положиться друг на друга, – сказал Гидеон. – Мне действительно важно твоё доверие.

Прошло несколько секунд, пока до меня дошло, что в этом разговоре мы с ним слушали, но не слышали Друг друга. Гидеон пытался сказать мне вовсе не «Прости меня, прошу, я люблю тебя», а «Давай останемся друзьями», – а ведь каждый дурак знает, что это две совершенно разных вещи.

Это значит, что Гидеон вовсе не был в меня влюблён.

Это значит, что мы с Лесли посмотрели слишком много романтических фильмов.

Это значит...

– ... ты, подонок! – крикнула я.

Ярость, огненная, горячая ярость пронизывала меня с головы до ног, голос мой стал совсем хриплым.

– Как только можно быть таким обманщиком! Сначала ты уверяешь меня в своей любви, на следующий день извиняешься, что ты такой вот завравшийся подлец, а после этого ещё хочешь, чтобы я тебе доверяла?

Тут уж и до Гидеона дошло, что до этого мы с ним не поняли друг друга. Улыбка исчезла с его лица.

– Гвен...

– Хочешь, я тебе что-то скажу? Мне жаль каждой слезинки, которую я выплакала из-за тебя! – я так хотела наорать на него, но мой голос звучал жалобно. – Только не думай, что плакала я слишком уж долго! – выдавила я.

– Гвен! – Гидеон попытался взять меня за руку. – О Боже! Мне так жаль. Я же не хотел... ну прошу тебя!

– О чём? – я посмотрела на него с яростью. Неужели он не понимал, что только ухудшает своё положение? Что, он всерьёз верит, что этот взгляд преданной собаки может что-нибудь изменить?

Я хотела развернуться, но Гидеон крепко схватил меня за локоть.

– Гвен, послушай. Нас ждут опасные времена, поэтому очень важно, чтобы мы держались вместе, ты и я! Ты... ты действительно мне очень нравишься, и я хочу, чтобы мы...

Правда же он больше этого не скажет? Не произнесёт эту пошлую отговорку? Но нет, он поступил именно так.

– ... остались друзьями. Ты что, не понимаешь? Только если мы сможем доверять друг другу...

Я выдернула руку.

– Больно мне нужен такой друг как ты! – ко мне снова вернулся голос, он был таким громким, что согнал голубей с соседней крыши. – Ты вообще понятие я не имеешь, что такое дружба!!

Вдруг мне стало совсем легко. Я откинула волосы, повернулась на каблуках и проставала вперёд.

Глава третья

Главное, прыгнуть с обрыва – по пути у вас обязательно вырастут крылья.

Рэй Брэдбери

«Давай останемся друзьями» – эта фраза стала последней каплей.

– Каждый раз, когда произносят эти слова, в мире наверняка умирает одна фея, – сказала я.

Я закрылась в туалете вместе с мобильным телефоном и изо всех сил старалась не кричать, хотя после нашего с Гидеоном разговора, который произошёл полчаса назад, единственное, чего мне хотелось – это кричать и плакать.

– Он сказал, что хочет, чтобы вы *были* друзьями, – сказала Лесли, которая как всегда запоминала всё слово в слово.

– Это ведь одно и то же, – сказала я.

– Нет. То есть, наверное, – Лесли вздохнула. – Я этого не понимаю. А он точно успел высказать всё, что думал? Знаешь, в фильме «Десять вещей, которые я в тебе ненавижу»..

– Он *точно* высказал всё, что хотел... к сожалению.

Я посмотрела на часы: – О нет! Ведь я пообещала мистеру Джорджу, что вернусь ровно через минуту, – я мельком взглянула на своё отражение в зеркале над старомодным умывальником. – О нет, – снова повторила я. На моих щеках выступили два отчётливых пятна, круглых и красных, как помидоры. – Кажется, у меня аллергия.

– Просто ты покрываешься багровыми пятнами ярости, – пояснила Лесли, когда я описала ей свой внешний вид. – А что с глазами? Они, небось, гневно сверкают?

Я уставилась на своё отражение в зеркале.

– Ну, можно и так сказать, я сейчас похожа Хелену Бонем Картер в роли Беллатрисы Лестрейндж из «Гарри Поттера». Довольно угрожающий у меня вид.

– Очень даже верю. Послушай меня, ты сейчас выйдешь и сотрёшь их всех в порошок одним лишь взглядом, идёт?

Я послушно кивнула и пообещала Лесли следовать её совету.

После нашего разговора мне стало немного лучше, но холодной водой мне так и не удалось смыть ни ярость, ни пятна на щеках.

Мистер Джордж встретил меня совершенно спокойно, даже если он волновался и спрашивал себя, куда я пропала на столько времени, то виду не подал.

– Всё в порядке? – дружелюбно осведомился он. Мистер Джордж ожидал меня у дверей Старого Рефлектория.

– Лучше и быть не может, – я заглянула в дверной проём, но, как ни странно, не увидела ни Джордано, ни Шарлотты. Наверное, я слишком сильно опоздала, и урок отменили.

– Мне просто нужно было... э-э-э... припудрить щёки, – мистер Джордж улыбнулся. Ничто в его внешности, кроме разве что морщин в уголках губ и вокруг глаз, не выдавало его возраст, а было ему, кстати, далеко за семьдесят. На лысине играли отблески света, а всё тело казалось гладко отполированным шаром для боулинга.

Я просто не могла не улыбнуться ему в ответ. Взгляд мистера Джорджа всегда действовал на меня успокаивающе.

– Действительно, такая уж сейчас мода, – сказал он, указывая на красные пятна.

Мистер Джордж подал мне руку.

– Пойдём, моя храбрая девочка, – сказал он. – Я уже доложил, что мы спускаемся вниз для элапсаций.

Я посмотрела на него с недоумением:

– А как же Джордано и колониальная политика восемнадцатого века?

Мистер Джордж едва заметно улыбнулся.

– Скажем так, я воспользовался твоим отсутствием и объяснил Джордано, что у тебя сегодня, к сожалению, не будет времени для того, чтобы позаниматься.

Старый верный мистер Джордж! Он был единственным хранителем, которому небезразлична была моя судьба, во всяком случае, мне так казалось. Хотя, наверное, если бы я немного потанцевала менуэт, злости бы у меня поубавилось. Вот некоторые люди сгоняют плохие эмоции, колотя по боксёрской груше. Или занимаясь фитнесом. Чем я хуже? С другой стороны, без надменного шарлоттинового взгляда я вполне могла бы сегодня обойтись.

Мистер Джордж подал мне руку.

– Хронограф ждёт.

Я с готовностью схватилась за его локоть.

Моя сегодняшняя элапсация, контролируемый прыжок во времени, который я совершала ежедневно, была единственной причиной моей радости за весь сегодняшний день. Этот прыжок должен был стать кульминацией и завершением нашего с Лесли Генерального плана, который мы разрабатывали с таким вдохновением. Хоть бы всё прошло так, как мы задумали!

Тем временем мы с мистером Джорджем спускались всё глубже по сводчатым коридорам, пересекая вдоль всю штаб-квартиру хранителей. На самом деле, внутренняя часть помещения, скрытая от посторонних глаз, тянулась на много километров вширь и вглубь и охватывала несколько соседних зданий. В каждом из боковых проходов таилось столько всего интересного, что мне порой казалось, будто мы находимся в настоящем музее.

Вдоль стен были развешаны бесконечные картины в старинных рамах, древние карты, ковры ручной работы и коллекции шпаг. В витринах стояли очень дорогие на вид тарелки и чашки, книги в кожаных переплётах и старинные музыкальные инструменты. По углам было расставлено несметное количество сундуков и ящичков. При других обстоятельствах я бы обязательно заглянула в каждый из них.

– В косметике я полнейший профан, но если тебе захочется выговориться, поговорить с кем-нибудь о Гидеоне, я могу быть хорошим слушателем, – сказал мистер Джордж.

– О Гидеоне? – растягивая слова, повторила я, словно вспоминая, о ком вообще может идти речь. – С Гидеоном всё в порядке, – да уж! В полном порядке. Я мимоходом ударила по стене кулаком. – Мы с ним *друзья*. Исключительно *друзья*, – к сожалению, слово «друзья» никак не хотело выговариваться, я процедила его сквозь зубы.

– Мне тоже когда-то было шестнадцать, Гвендолин, – маленькие глазки мистера Джорджа доверительно сверкнули. – И я тебе обещаю, что не упомяну о том, о чём не раз предупреждал тебя. Хотя я действительно предупреждал..

– Уверена, в свои шестнадцать *вы-то* были очень милым парнем.

Мне не удалось представить себе, как мистер Джордж добивается какой-то девушки: поцелуями и красивыми словами очаровывает свою жертву.

«... Как только ты оказываешься со мной в одной комнате, мне хочется лишь обнимать и целовать тебя».

Я старалась ступать как можно твёрже, чеканить каждый шаг, вдруг это поможет мне стереть из памяти пламенный взгляд Гидеона. Фарфор в витринах дрожал от моих шагов.

Ну и пусть. Кому нужны нынче менуэты для снятия напряжения? Пары пролётов такой походкой будет достаточно. Хотя для полноты эффекта стоило бы разбить вдребезги парочку фарфоровых тарелок или этих ваз, которые на вид стоят целый миллион.

Мистер Джордж искоса поглядывал на меня, но, в конце концов, смирился с моим молчанием, ещё крепче сжал мою руку и вздохнул. Через каждые несколько метров нам попадались

расставленные вдоль стен рыцарские доспехи, от их вида я чувствовала себя очень неудобно, мне как всегда казалось, что за мной наблюдают.

– Там внутри кто-то есть, правда же? – прошептала я мистеру Джорджу, – Какой-нибудь бедолага-новичок, которому за целый день даже в туалет выйти не позволено, так ведь? Я прямо чувствую, как он на нас пялится.

– Нет, – сказал мистер Джордж и тихо засмеялся. – Но в прорезь шлема вмонтированы камеры слежения. Может, поэтому тебе показалось, что за тобой следят.

Ага, камеры, значит. Ну, их хотя бы жалеть не за что.

Когда мы спустились по первому сводчатому коридору вниз, я поняла, что мистер Джордж кое о чём забыл.

– Вы разве не завяжете мне глаза?

– Мне кажется, сегодня мы можем без этого обойтись, – сказал мистер Джордж. – Разве ты видишь здесь хоть кого-нибудь, кто бы нам это запретил?

Я поглядела на него с недоумением. Как правило, я проделывала весь путь с завязанными глазами, потому что хранители не желали, чтобы я запомнила, где именно находится хронограф. Ведь этот прибор мог переносить меня и Гидеона в прошлое, и члены логи боялись, что я смогу найти и использовать хронограф самостоятельно.

Хотя все это предосторожности были, конечно же, совершенно излишни. Во-первых, мне просто жутко было смотреть, как эту штуку приводят в действие (ведь для этого использовали нашу кровь!). А во-вторых, я не имела ни малейшего понятия, как работают и зачем нужны все эти бесчисленные колесики, ручки и ящички.

Но если дело касалось хронографа, а особенно возможности его украсть, хранители превращались в законченных параноиков.

Наверное, всё дело в том, то когда-то хронографов было два. Но семнадцать лет назад моя кузина Люси и её любимый по имени Пол, номера Девять и Десять в Кругу двенадцати путешественников во времени, сбежали, прихватив с собой один из хронографов.

Зачем они пошли на эту кражу, я до сих пор не выяснила, да и вообще, мне постоянно казалось, что я блуждаю в потёмках – тайн вокруг меня всё больше, а разгадок всё меньше.

– Мадам Россини, к слову сказать, велела передать тебе, что для бального платья она всё же подобрала тебе ткань другого цвета. К сожалению, я забыл, какого именно, но ты безо всяких сомнений будешь выглядеть в нём просто очаровательно, – мистер Джордж хихикнул. – Как бы Джордано не пытался убедить меня в том, что в восемнадцатом веке тебя ждёт один конфуз за другим из-за твоей полнейшей непросвещённости.

Моё сердце замерло. На этом балу мне нужно быть вместе с Гидеоном, но я никак не могла себе представить, что уже завтра смогу как ни в чём не бывало танцевать с нимменуэт, ничего при этом не разбив или не разорвав на кусочки. Его ногу, например.

– Зачем мы, собственно, так спешим? – спросила я. – Почему этот бал должен состояться обязательно завтра по нашему времени? Так или иначе, он всё равно состоится в тот же самый день в 1782 году, и совершенно неважно, из какого именно дня мы туда прибудем, разве не так? – даже до проблемы с Гидеоном я задумывалась над этим вопросом.

– Граф Сен-Жермен точно установил промежутки времени в настоящем, через которые вы обязаны посещать его, – сказал мистер Джордж и пропустил меня вперёд на винтовую лестницу.

Чем дальше и глубже пробирались мы по подземному лабиринту, тем более затхлым и тяжёлым становился воздух. Здесь внизу на стенах уже не висело никаких картин, и хотя везде, куда мы попадали, благодаря датчикам автоматически зажигался свет, уже через несколько метров коридоры, уходившие вправо и влево, утопали в полнейшей темноте. Говорят, будто не один человек заблудился в этих переходах, а многие из них через несколько дней выбирались наружу где-нибудь в другом конце города. Так говорят.

– Но зачем ему это нужно? И почему хранители подчиняются ему с такой рабской преданностью?

Мистер Джордж не ответил. Он лишь глубоко вздохнул.

– Я хотела сказать, если мы сделаем перерывчик недели на две, граф ведь ничего не заметит, правда же? – сказала я. – Он-то сидит там, в 1782-ом, и его время проходит ничуть не медленнее. А вот я смогла бы без спешки выучить всю эту чепуху с менуэтами, а может, даже запомнила бы, кто захватил Гибралтарский пролив и почему, – о Гидеоне я предпочла промолчать. – Тогда никому не придётся за меня бояться, никто не будет переживать, что я опозорюсь и своим поведением провалю всю операцию. Так почему же граф так сильно желает, чтобы этот бал состоялся для меня обязательно завтра?

– Да, почему? – пробормотал мистер Джордж. – Создаётся впечатление, что он тебя боится. Что он боится тебя и, возможно, тех сведений, которые ты смогла бы добыть, будь у тебя больше времени.

До старой алхимической лаборатории было недалеко. Если я правильно запомнила дорогу, то она должна оказаться прямо за следующим поворотом. Я замедлила шаг.

– Боится? Меня? Да этот тип чуть не задушил меня, не притронувшись ко мне при этом даже пальцем. К тому же, он умеет читать мысли, а значит, прекрасно понимает, что я боюсь его со страшной силой. И уж никак не наоборот.

– Он душил тебя? Без единого прикосновения?

Мистер Джордж остановился и посмотрел на меня изумлённо.

– Гвендолин, дорогая, почему же ты не рассказала об этом раньше?

– А вы бы мне поверили?

Мистер Джордж почесал себя по лысому затылку и открыл, было, рот, собираясь что-то сказать, но тут мы услышали шаги и скрип закрывающейся двери. Было видно, что мистер Джордж не на шутку струхнул, он потянул меня дальше, мы завернули за угол, за которым только что послышался шум, и поспешно вытащил из кармана пиджака чёрную повязку.

Быстрыми шагами к нам приближался не кто иной, как Фальк де Виллер собственной персоной. Он был дядей Гидеона и Магистром ложи хранителей. Завидев нас, он лишь улыбнулся.

– Ах, вот и вы, наконец-то. Бедный Марли уже звонил наверх, узнать, куда вы запропались, и я подумал, что пора и мне посмотреть, всё ли с вами в порядке.

Мистер Джордж снял с моих глаз повязку, я прищурилась и протёрла глаза, но это показательное выступление было совершенно излишним, Фальк де Виллер даже не глядел в мою сторону. Он открыл дверь, ведущую в комнату, где стоял хронограф, – в старую алхимическую лабораторию.

Фальк был на пару лет старше моей мамы, выглядел он просто шикарно, как и все де Виллеры, с которыми мне довелось познакомиться. Он напоминал мне сильного волка, вожака стаи. Его пышные волосы подёрнула седина, на их фоне ярким блеском светились янтарные глаза.

– Вот видите, никто не заблудился, – сказал он нарочито жизнерадостным тоном, обращаясь к мистеру Марли, который сидел в комнате на стуле, но как только мы зашли, подскочил и стал нервно разминать пальцы.

– Я просто... я думал, что в целях безопасности... – заикался он. – Прошу, простите меня, господин...

– Мы очень приветствуем такое серьёзное отношение к своим обязанностям, мистер Марли, – сказал мистер Джордж. А Фальк спросил:

– Где мистер Уитмен? Мы приглашены на чай к декану Смиту, я хотел забрать его на своей машине.

– Он только что вышел, – сказал мистер Марли. – Странно, что вы не встретили его по дороге.

– Ах, тогда я буду поторапливаться, и, может, нагоню его по пути. Томас, ты идёшь?

Мистер Джордж мельком поглядел в мою сторону и кивнул. – А с тобой, Гвендолин, мы увидимся завтра. На подготовке к большому балу, уже дойдя до двери, Фальк развернулся и будто мимоходом добавил:

– Да, передавай привет маме. Как у неё дела, всё в порядке?

– У мамы? Да, всё хорошо.

– Рад слышать, – кажется, по моему взгляду он понял, что этот вопрос ещё больше сбил меня с толку, поэтому он добавил: – Быть матерью-одиночкой, которой приходится работать, чтобы прокормить семью, это ведь не так-то просто. Поэтому я рад слышать, что у неё всё хорошо.

Тут уж я вообще перестала понимать, куда он клонит.

– Хотя... может, она уже не одна? Такая привлекательная женщина, как Грейс, наверняка встречается с мужчинами, возможно, у неё появился постоянный кавалер...

Фальк выжидающе смотрел на меня, но я лишь наморщила лоб, тогда он перевёл взгляд на наручные часы и воскликнул:

– Ну и ну! Как поздно! Вот сейчас мне действительно пора.

– Это что, был вопрос? – уточнила я, когда дверь за Фальком закрылась.

– Да, – хором отозвались мистер Джордж и мистер Марли, а мистер Марли тут же ужасно покраснел.

– Э-э-м.. Мне показалось, что он хотел выяснить, есть ли у неё кавалер, – пробормотал он.

Мистер Джордж рассмеялся:

– Фальк прав. Если наш Рубин хочет побыть немного в настоящем этим вечером, нам стоит поторопиться и скорей послать её в прошлое. Какой год ты выбираешь, Гвендолин?

Следуя нашему с Лесли Генеральному плану, я как можно более безразличным тоном ответила:

– Мне всё равно. Кажется, в 1956-ом, – это ведь было в 1956-ом? – подвал очистили от крыс, и в нём стало даже несколько уютно, – о том, что в этом уютном и «бескрысом» году я встретила со своим дедушкой, я, конечно, умолчала. – Там я смогла даже поучить французские слова, не трясясь при этом от страха.

– Без проблем, – сказал мистер Джордж. Он раскрыл пухлый журнал, а мистер Марли отодвинул толстый настенный ковёр, за которым, скрытый в надёжном сейфе, находился хронограф.

Я попробовала, было, заглянуть через плечо мистеру Джорджу, пока он переворачивал страницы, но его широкая спина заслоняла всю книгу.

– Так, посмотрим, это было 24 июля 1956, – сказал мистер Джордж. Всё время ты находилась там, и лишь в 18.30 прыгнула обратно в настоящее.

– Значит, 18.30 вполне подойдёт, – сказала я, страстно желая, чтобы наш с Лесли план сработал. Если я смогу прыгнуть в ту же минуту, из которой я исчезла в прошлый раз, мне не придётся терять время на поиски дедушки, потому что он не успеет уйти далеко.

– Мне кажется, лучше уж зададим 18.31, – сказал мистер Джордж, – Чтобы ты случайно не наткнулась там на саму себя.

Мистер Марли тем временем поставил на стол коробку с хронографом, осторожно вытащил из замшевых лоскутков драгоценный аппарат и тихо пробормотал:

– Но это время, строго говоря, не может считаться ночным. Мистер Уитмен считает...

– Да, мы знаем, что мистер Уитмен со всей серьёзностью подходит к указаниям хранителей, – сказал мистер Джордж, управляясь с зубчатыми колесиками. Среди изящных цветных изображений планет, зверей и птиц на поверхности этого странного прибора возвышались

драгоценные камни, каждый из них был таким большим и сиял так ярко, что закрадывались сомнения в их подлинности. Они были так похожи на детские блестящие кусочки пластмассы, из которых так любила мастерить ожерелья моя младшая сестрёнка.

Каждому путешественнику во времени из Круга двенадцати был присвоен один из драгоценных камней. Мне соответствовал рубин, а Гидеону – алмаз, он был таким огромным, что, продав его, наверняка можно было бы прикупить дом для нескольких семей где-нибудь на окраине города.

– Но мне кажется, мы с вами можем назвать себя джентльменами, а значит, не заставим даму сидеть одну, ночью, в тёмном подвале, не правда ли, Лео?

– Лео – какое милое имя, – сказала я.

– Сокращение от «Леопольд», – сказал мистер Марли, его уши при этом светились не хуже задних фар гоночного автомобиля. Он присел за стол, положил перед собой журнал и снял колпачок с чернильной ручки. Мелкий аккуратный почерк, который заполнял страницы журнала рядами дат, указанием времен и имен, наверняка принадлежал именно мистеру Марли. – Моя мать ненавидит это имя. Но каждый первенец в нашем роду должен носить именно его. Такова традиция.

– Лео является прямым потомком барона Мирослава Александра Леопольда Ракоци, – пояснил мистер Джордж. При этом он немного повернулся и посмотрел мне в глаза. – Как ты знаешь, барон Ракоци был легендарным спутником графа Сен-Жермена, в Хрониках хранителей он упоминается под именем «Чёрный леопард».

Я растерялась.

– Что, правда?

Мысленно я сравнивала мистера Марли с худым и бледным Ракоци, который так пугал меня блеском своих чёрных глаз. Я, правда, так и не нашлась, что сказать. Следовало ли мне ответить что-то вроде «Да уж, радуйтесь, что вам посчастливилось выглядеть иначе, чем ваш мрачный предок с двумя фонарями вместо глаз», то ли намного хуже, на самом деле, быть таким вот рыжим, веснушчатым и круглолицым мистером Марли.

– Итак, мой дед по отцовской линии... – начал мистер Марли, но мистер Джордж поспешно перебил его:

– Ваш дед наверняка гордился бы вами», – уверенно сказал он. – Прежде всего, знай он, как отлично вы сдали экзамены.

– Все, кроме предмета «Полевые стрельбы», – сказал мистер Марли, – Тут мне досталась лишь оценка «Удовлетворительно».

– Ах, кому сейчас нужны такие знания, совершенно устаревшая дисциплина, – мистер Джордж протянул мне руку. – Я готов, Гвендолин, отправить тебя в 1956 год. Хронограф перенесёт тебя в прошлое на три с половиной часа. Будь внимательна, не забудь в комнате ничего из своих вещей, надеюсь, ты помнишь об этом. Мистер Марли будет ждать твоего возвращения.

Одной рукой я прижала к груди рюкзак, а вторую руку протянула мистеру Джорджу. Тот вставил мой указательный палец в крошечное отверстие хронографа.

Игла вонзилась в подушечку пальца, величественный рубин засветился, наполнив всю комнату алым светом.

У меня сильно закружилась голова, я закрыла глаза и почувствовала, что меня уносит куда-то очень далеко. Через секунду я нашла в себе силы снова осмотреться, но не увидела ни мистера Марли, ни мистера Джорджа, ни стола с хронографом.

Было темнее, чем прежде, комнату освещала одна-единственная лампочка, в её свете, на расстоянии всего метра от меня, стоял мой дедушка Лукас, недоуменным взглядом уставившись прямо на меня.

– Т.. ты... что, не получилось? – отчаянно крикнул он. В 1956 году ему было двадцать три года, и он совершенно не походил на восьмидесятилетнего старика, каким я знала его, когда была маленькой девочкой. – Ты исчезла там сзади и снова появилась здесь.

– Да, – гордо сказала я, чувствуя, как в горле появился ком.

Мой дедушка умер, когда мне было десять. Видеть его снова, через шесть лет после смерти, было одновременно чудесным и страшным переживанием.

Страшно было даже не то, что в этих встречах в прошлом он ещё не был дедушкой, которого я знала, а, в некотором роде, незаконченной версией дедушки. Страшным было ощущение того, что я для него была абсолютно чужим человеком. Он и понятия не имел о том, сколько раз я сидела у него на коленях, как он утешал меня историями, когда умер мой папа, как мы всегда желали друг другу спокойной ночи на нашем тайном языке, который никто кроме нас не понимал.

Он даже не представлял, как сильно я его люблю. А я не могла ему об этом рассказать. Люди не очень рады, когда незнакомцы говорят им такие вещи через пару часов после встречи. Я попыталась, насколько возможно, подавить это горькое чувство.

– Для тебя прошло, наверное, около одной минуты. Поэтому прощаю тебе то, что ты до сих пор не сбрил эти усы. Я за это время успела прожить два дня, в течение которых произошло ужасно много всего.

Лукас пригладил усы и улыбнулся.

– Значит, ты просто-напросто решила снова... Очень хитрый ход, внучка.

– Скажи?! Если честно, это идея моей подруги Лесли. Чтобы быть уверенными в том, что смогу снова тебя встретить. И чтобы не терять времени.

– М-да, ну у меня-то всё равно не было времени, чтобы подумать, что нам делать дальше. А я уже собирался передохнуть после твоего появления и поразмыслить обо всём, что случилось... – он изучающее смотрел на меня, склонив на бок голову. – Верно, ты выглядишь не так, как в прошлый раз. Этого обруча в твоих волосах раньше не было, и вообще ты как-то похудела.

– Спасибо, – сказала я.

– Это вовсе не комплимент. Ты выглядишь так, словно у тебя произошло что-то очень неприятное, – он приблизился ко мне на шаг, испытующе взглянув на меня. – У тебя всё в порядке? – нежно спросил он.

«Лучше и быть не может», – хотела ответить я, но, к собственному стыду, расплакалась.

– Лучше и быть не может, – всхлипнула я.

– О да, – сказал Лукас и неуклюже хлопнул меня по спине. – Что, всё так ужасно?

Около минуты я не могла выдавить из себя ни словечка, слёзы текли и текли ручьями по моим щекам. Я-то думала, что уже справилась с этими эмоциями. Мне показалось, что именно ярость может стать лучшей реакцией на поступок Гидеона, это будет так по-взрослому, так смело с моей стороны. Кроме того, хватит мне уже ныть и голосить, как героине романтических фильмов. К сожалению, Химериус очень точно обозвал меня маленьким фонтаном.

– Остаться друзьями! – пропыхтела я наконец. Мой дедушка имел право знать. – Он хочет, чтобы мы остались друзьями и чтобы я ему доверяла.

Лукас убрал руку с моей спины и наморщил лоб, пытаясь понять, что к чему.

– И ты так плачешь, потому что...?

– Ещё вчера он говорил, что любит меня!

Взгляд Лукаса выражал полное непонимание.

– Но разве это плохая основа для крепкой дружбы?

Мои слёзы иссякли, будто кто-то выключил этот фонтан.

– Дедушка! Не придирайся к словам! – крикнула я. – Сначала он меня целует, а потом я узнаю, что это просто тактический ход, манипуляция. И вот теперь он, значит, приходит с этим своим «давай-останемся-друзьями»!

– Ох, понимаю. Какой... э-хм... подлец! – вид у Лукаса всё ещё был очень неуверенный. – Прости, что я так подробно выспрашиваю, но ты ведь не имеешь в виду этого парнишку из де Виллеров, Номер одиннадцать, Алмаз?

– Именно его, – сказала я. – Мы говорим как раз о нём.

Мой дедушка застонал.

– Как? Неужели? Ох уж эти подростки! Мелюзга! Несмышлёные рыбёшки! Как будто не хватает проблем и без этих любовных историй. – Он бросил мне тряпичный платок, взял из моей руки сумку и энергично сказал:

– Хватит реветь! Сколько у нас времени?

– В десять часов вечера по твоему времени я прыгну обратно, – как ни странно, поплакав, я снова пришла в форму и чувствовала себя гораздо лучше, чем прежде, в яростной и такой взрослой роли.

– Что ты там говорил о рыбёшках? Мне, кстати, действительно, немного хочется есть.

Услышав эти слова, Лукас рассмеялся.

– Ну, тогда давай поднимемся наверх. Эти стены как-то давят на меня, что ли. Кроме того, мне надо позвонить домой и предупредить, что приду позже, – он открыл дверь. – Выходи, ты, моя маленькая рыбка. По дороге можешь мне всё рассказать. И не забудь, если кто-то тебя увидит – ты моя кузина Хейзл, которая приехала из деревни.

Прошло около часа, и мы уже сидели в кабинете Лукаса. Мы совершенно запутались в огромном количестве клочков бумаги, чаще всего на них были какие-то даты, круги, стрелки и вопросительные знаки, а также толстые кожаные фолианты (хроники хранителей за несколько веков) и, конечно же, тарелка с пирожными. Кажется, в каждом времени хранители располагали большим запасом этих самых пирожных. Насчёт рыбёшек Лукас, кажется, пошутил. А жаль.

– Слишком мало данных, слишком мало времени, – снова и снова повторял Лукас. Он носился по комнате как разъярённый тигр и рвал на себе волосы. Скоро, несмотря на бриолин, все волосы на его голове стояли торчком, как у бешеного профессора.

– И что я только мог спрятать в этом сундуке?

– Может, книгу со всеми данными, которые мне нужны, – сказала я. Мы без проблем прошли мимо стражника, который дежурил на лестнице, молодой хранитель всё ещё мирно спал, точно так же, как и во время первого моего визита.

Запах алкоголя, который от него исходил, бросался в нос каждому прохожему. Вообще в 1956-ом хранителям жилось гораздо привольнее, чем я думала. Никто не удивился, что Лукас остаётся допоздна, и что его кузина Хейзл из деревни разгуливает с ним по штаб-квартире хранителей. В это время, кажется, в здании почти никого не было. Молодой мистер Джордж тоже ушёл домой, жаль, я бы с удовольствием увиделась с ним ещё раз.

– Книгу? Возможно, – сказал Лукас, задумчиво кусая пирожное. Уже несколько раз он пытался закурить, но я каждый раз забирала сигарету у него из рук. Мне вовсе не хотелось, чтобы от меня снова несло дымом, когда я вернусь домой.

– Загадка с зашифрованными координатами, в общем-то, звучит вполне правдоподобно, мне нравится такой стиль, кроме того, это мне подходит. Я всегда питал слабость к подобным играм. И ещё... откуда Люси и Пол узнали о коде в этой штуке... в этой книге о жёлтой лошади?

– О зелёном всаднике, дедуля, – терпеливо сказала я. – Книга стояла в твоей библиотеке, а записка с цифрами была спрятана между страниц. Может, это Люси и Пол положили её туда.

– Но это нелогично. Если они пропали в прошлом в 1994-ом, почему я замуровал этот сундук лишь несколько лет спустя? – он остановился и склонился над книгами. – Я схожу с ума! Знаешь, такое чувство, что разгадка где-то совсем близко. Как бы мне хотелось, чтобы с помощью хронографа можно было попасть в будущее, тогда бы ты смогла расспросить меня самого...

Внезапно мне в голову пришла неожиданная идея, она так понравилась мне, что я невольно попробовала даже похлопать себя по плечу.

Я подумала о том, что рассказал мне дедушка в прошлый раз.

Люси и Пол, которым было скучно во время элапсаций, элапсировали ещё дальше в прошлое и пережили там много волнительных событий, например, побывали на настоящем спектакле шекспировского театра.

Мой дедушка нахмурил лоб.

– Придумала! – крикнула я и пустилась в пляс от радости.

Дедушка наморщил лоб.

– Что именно? – раздражённо спросил он.

– Что, если ты пошлешь меня дальше в прошлое с помощью вашего хронографа? – выпалила я. – Тогда я могла бы встретить Люси и Пола и расспросить их обо всём.

Лукас поднял голову.

– А когда ты хочешь их встретить? Мы ведь не знаем, в каком времени они прячутся.

– Но мы знаем, например, когда они были здесь. Если бы я просто присоединилась к их визиту, мы смогли бы поговорить и вместе...

Дедушка перебил меня.

– Когда они были здесь в 1948 и 1949 из годов 1992 и 1993, – называя даты, Лукас водил пальцем по стрелкам и линиям, на листках, разбросанных вокруг нас, – Люси и Пол ещё не знали многого, а всё, что они знали, они рассказали мне. Нет, если тебе и следует с ними встретиться, то лишь после того, как они украли хронограф и пропали с ним в прошлом, – он снова нетерпеливо ткнул пальцем в наши записи. – Лишь в таком случае эта встреча нам поможет, в любом другом – лишь запутает нас ещё больше.

– Тогда... я прыгну в 1912, туда, где я уже встретила их, в дом леди Тилни на Итон Плейс.

– Это, в принципе, возможно, но мы ведь можем ошибиться во времени, – Лукас хмуро поглядел на стенные часы. – Ты не помнишь точной даты своего визита, не говоря уже о времени. Не забывай, что сначала мы должны считать твою кровь в хронограф, иначе ты не сможешь использовать его для путешествий во времени, – он снова принялся рвать на себе волосы. – К тому же, тебе нужно будет в полном одиночестве добраться отсюда в Белгравию, а в 1912 году это, наверное, не так уж и просто... да и ещё, нам понадобится костюм... нет, даже при огромном желании невозможно осуществить это в такой короткий промежуток времени. Мы должны придумать что-нибудь другое. Решения прямо вертятся у меня на языке... мне просто нужно немного времени, чтобы сосредоточиться.. и, может, выкурить сигаретку...

Я отрицательно покачала головой. Нет, так быстро я не сдамся. Я знала, что моя идея не так уж плоха.

– За это время мы можем принести хронограф прямо к дому леди Тилни, и я прыгну прямо там, что сэкономит нам уйму времени, точно? А что касается костюма... ты чего на меня так вылупилась?

Глаза Лукаса действительно расширились и округлились.

– О Боже! – прошептал он. – *Вот оно!* Я понял!

– Что?

– Хронограф! Внучка! Ты – гений! – Лукас обошёл вокруг стола и обнял меня.

– Я – гений? – повторила я. Теперь пришла очередь моего дедушки пуститься в пляс от радости.

– Да! И я тоже. Мы оба гении, потому что знаем, что скрывается в этом сундуке.

Я-то как раз и не знала.

– Вот как? И что же?

– Хронограф! – выкрикнул Лукас.

– Хронограф? – эхом повторила я.

– Это же так логично! Не важно, в какое время взяли его Люси и Пол, он так или иначе снова найдёт дорогу ко мне – а я его спрячу. Для тебя! В моём же собственном доме. Не очень-то оригинально, но зато так логично!

– Ты считаешь? – я неуверенно смотрела на него. Мне эта теория казалась какой-то совершенно заоблачной, но стоит признать, логика никогда не была моим коньком.

– Поверь, внучка, я просто знаю это и точка!

Воодушевление на его лице вдруг сменилось морщинами на лбу, которые выдавали его озабоченность чем-то.

– Теперь у нас совершенно другие возможности. Нам просто надо как следует... подумать, – он снова поглядел на стенные часы. – Проклятье, как же мало у нас времени.

– Я могу снова попросить, чтобы в следующий раз меня снова послали в 1956, – сказала я. – Но завтра этот номер не пройдёт, я снова встречаюсь на балу с этим графом. – Подумав об этом, мне снова стало грустно и страшно, теперь уже только не из-за Гидеона.

– Нет, нет, нет! – крикнул Лукас. – Мы не можем этого допустить! Ни в коем случае. Нужно продвинуться ещё немного, прежде чем ты вновь предстанешь перед графом. – Он почесал лоб.

– Думай-думай-думай-думай.

– У меня уже из ушей пар валит, ты что, не видишь? Целый час подряд я только тем и занимаюсь, что думаю, – заверила его я, но он не обратил внимания, наверное, дедушка обращался к самому себе.

– Прежде всего, нам нужно считать твою кровь в хронограф, одна в 2011 году ты с этим не справишься, слишком уж сложный процесс. А затем мне нужно будет объяснить тебе, как приводить хронограф в действие, – он опять беспокойно взглянул на часы. – Если я сейчас позвоню доктору, тот сможет приехать через полчаса, значит, если нам повезёт и мы застанем его дома... вопрос лишь в том, как мы ему объясним, почему у моей кухни Хейзл срочно понадобилось взять кровь? Когда речь шла о Люси и Поле, мы официально брали кровь для научных исследований, но ты-то здесь инкогнито, и должна остаться незамеченной...

– погоди, – перебила я его. – Не можем ли мы проверить эту операцию с кровью своими силами?

Лукас раздражённо посмотрел на меня.

– Меня действительно научили многому, но вот шприцом я пользоваться не умею. Честно говоря, я вообще не переношу вида крови. Меня сразу начинает тошнить...

– Я сама могу взять у себя кровь, – сказала я.

– Правда? – в его взгляде читалось неподдельное удивление. – Неужели в твоём времени в школьную программу входит работа со шприцами?

– Нет, дедуля, в школе мы этого не проходили, – терпеливо объяснила я. – Но зато мы проходили, что если порезать кожу ножом, то кровь начнёт вытекать наружу. У тебя, кстати, нож найдётся?

Лукас медлил.

– Знаешь... мне кажется, это не очень удачная мысль.

– Ну и ладно, всё своё ношу с собой, – я открыла рюкзак и вытащила оттуда футляр для очков, в который Лесли засунула мне японский нож. Если в прошлом на меня кто-нибудь нападёт, я хотя бы смогу обороняться. Когда я открыла футляр, глаза моего дедушки стали круглыми от удивления.

– Опережая твой вопрос – нет, в стандартный набор школьника 2011-го года такой нож не входит, – сказала я.

Лукас выпрямился и сказал:

– Ладно. Тогда пойдём скорей в Зал дракона, по дороге зайдём в лабораторию доктора, возьмём там пипетку, – он внимательно оглядел фолианты, разложенные на столе, и быстро сунул один из них себе под мышку.

– Это мы берём с собой. И пирожные тоже. Чтобы успокаивать мои нервы! Рюкзак не забудь.

– А что мы будем делать в Зале дракона? – я забросила футляр обратно в рюкзак и встала.

– Там стоит хронограф, – Лукас закрыл за мной дверь и прислушался, не идёт ли кто по коридору. Там царила полная тишина. – Если мы кого-нибудь встретим, будем рассказывать, что я провожу тебе экскурсию по зданию, ясно, кухня Хейзл?

Я утвердительно кивнула.

– Хронограф вот так просто стоит себе без присмотра? В нашем времени он упрятан в далёкий подвал, да ещё и закрыт в сейфе, чтобы его не украли.

– Естественно, в нашем времени сундук с хронографом тоже заперт, – сказал Лукас и подтолкнул меня к лестнице, которая уходила вниз. – Но мы, в общем-то, не боимся, что его может кто-нибудь украсть. Путешественников во времени, которые могли бы им воспользоваться, среди нас нет, Люси и Пол элапсировали в наше время, но с тех пор прошло уже несколько лет. Так что хронограф сейчас далеко не в центре внимания и забот хранителей. К счастью для нас, сказал бы я.

Казалось, что в здании действительно никого не было, но Лукас шёпотом заверил меня, что на ночь здесь обязательно остаются несколько дежурных. Я с завистью и тоской посмотрела в окно на улицу, где царило спокойствие летнего вечера. Как жаль, что мне нельзя было ненадолго выскочить на свободу и получше осмотреться в 1956 году. Лукас перехватил мой взгляд и, улыбнувшись, сказал:

– Поверь, я бы тоже с гораздо большим удовольствием выкурил с тобой сигаретку где-нибудь в уютном месте, но у нас есть важные дела.

– Лучше переставай всё время думать о сигаретах, дедуля. Курение – это так вредно для здоровья. И, пожалуйста, сбрей эти усы. Они тебе нисколько не идут.

– Тс-с-с, – прошептал Лукас. – Если кто-нибудь услышит, что ты назвала меня дедушкой, нам уж точно придётся придумывать ненужные объяснения.

Но мы никого так и не встретили. Через пару минут мы добрались до Зала дракона, через его стрельчатые окна всё ещё можно было наблюдать за вечерним солнцем, которое степенно опускалось в воды Темзы, где-то там, далеко, за садами и оградами. В этом времени Зал дракона тоже показался мне невероятно красивым, таким огромным и величественным, с глубокими окнами и резными фигурами на стенах. Как обычно, я запрокинула голову, чтобы снова взглянуть на огромного дракона, который украшал потолок, – он раскинул перепончатые крылья между двумя массивными люстрами. Выглядел он настолько правдоподобно, что казалось, будто дракон вот-вот взлетит.

Лукас запер дверь. Наверное, он волновался даже больше чем я. Когда дедушка вытаскивал хронограф, руки его дрожали. Лукас поставил прибор в центре зала.

– Когда я отправлял в прошлое Люси и Пола, это казалось мне таким отличным приключением, мы так здорово проводили время, – сказал он.

Я подумала о Люси и Поле и кивнула в ответ. Мне удалось встретиться с ними всего лишь раз, в гостях у леди Тилни, но я примерно представляла себе, что мой дедушка имеет в виду. Глупо, ужасно глупо, но в тот же момент мои мысли снова переключились на Гидеона.

Интересно, во время наших с ним приключений в прошлом ему действительно было весело, или это тоже было сплошным притворством? А, может, всё-таки, он врал только когда говорил о любви?

Стоп. Лучше уж думать о японском ноже и о том, как я собираюсь им сейчас воспользоваться. Отвлекающий манёвр подействовал, но я всё равно расплакалась.

Дедушка вытер ладони о ткань брюк.

– А сейчас мне вдруг кажется, что я уже слишком стар для подобных приключений, – сказал он.

Я перевела взгляд на хронограф. Для меня он выглядел точно так же, как и тот хронограф, с помощью которого я прибыла в это время – сложнейшее устройство, сплошь усеянное клапанами, рычагами, отверстиями и полочками, колесиками и кнопками, и украшенное изящными миниатюрами.

– Ты имеешь полное право мне возразить, – обиженно сказал Лукас. – Можешь сказать мне что-то вроде «но ты же так молод, как ты можешь чувствовать себя слишком старым»?

– Ой, ну конечно. Ты ещё совсем молодой. Хотя с этими усами ты кажешься на десять-двадцать, а то и тридцать лет старше.

– А вот Ариста говорит, что с ними я стал «видным мужчиной, внушающим уважение».

Я ограничилась тем, что насмешливо подняла брови, а дедушка склонился над хронографом, всё ещё бормоча что-то себе под нос.

– А сейчас сосредоточься. С помощью вот этих десяти колесиков устанавливается год. Ты, наверное, спросишь, зачем так много цифр. Ответ прост – год записывается римскими цифрами. Надеюсь, ты умеешь ими пользоваться.

– Кажется, да, – я вытащила из рюкзака блокнот и ручку. Если не записывать, в жизни мне этого не запомнить.

– А вот тут ты выставляешь месяц, – Лукас указал на следующее зубчатое колесо. – Но обрати внимание! Не знаю, по какой причине, при установке месяца – и только его! – следует использовать календарь древних кельтов. Единица соответствует ноябрю, а октябрь, значит, – двенадцати.

Я раздражённо хмыкнула. Узнаю хранителей! Как же они любят во всём перемудрить! Я уже давно подозревала, что они стараются как можно сильнее запутать даже простые вещи, чтобы казаться такими значительными и таинственными. Но я стиснула зубы и постаралась сосредоточиться. Через двадцать минут я заметила, что принцип действия хронографа больше не кажется мне таинственным колдовством, что надо просто разобраться и понять систему.

– Это я, кажется, усвоила, – перебила я дедушку, когда он собрался, было, начать объяснение с начала. Я захлопнула блокнот. – Давай же считаем мою кровь и... Который час, а?

– Чрезвычайно важно не допустить ни одной ошибки, выставляя дату и время прыжка, – Лукас с опаской посмотрел на японский нож, который я снова достала из футляра для очков. – А то ведь можешь очутиться где-нибудь... э-э-э... неизвестно где. И самое неприятное – ты не сможешь проконтролировать время своего возвращения. Ох, этот нож выглядит просто отвратительно. Ты уверена, что хочешь это сделать?

– Конечно, – я закатала рукава. – Только вот не знаю точно, в каком месте лучше сделать эту рану. На пальце она сразу бросится в глаза тем, кто встретит меня в настоящем. К тому же, из такого вот маленького пальца, как мой, вытечет не больше нескольких капель крови.

– Разве что ты откромсаешь себе кончик пальца, – с ужасом прошептал Лукас. – Кровь тогда будет хлестать фонтаном, мне самому удалось однажды убедиться...

– Может, лучше взять участок повыше, например, предплечье. Готов?

Мне было смешно, что Лукас боялся намного сильнее, чем я.

Он сглотнул и сильно сжал чашку с нарисованными цветочками. В эту чашку мы решили сливать мою кровь.

– Там, случайно, не проходит аорта? О боже, у меня прямо колени дрожат. Вот так умрёшь тут, в 1956-ом, от потери крови, и всё из-за легкомыслия твоего собственного дедушки.

– Там действительно проходит толстая артерия, но её надо чуть ли не пилить, если хочешь умереть от потери крови. Я когда-то об этом читала. Поэтому самоубийцы-неудачники часто ошибаются, и не добираются до этой артерии, а потом их находят, и уж на следующий раз они точно знают, как правильно резать вены.

– Ну хватит уже, прошу тебя! – воскликнул Лукас.

Мне самой было немного не по себе, но ничего не поделаешь. В критических ситуациях приходится иногда совершать отчаянные поступки, – так сказала бы Лесли. Я постаралась не замечать испуганный взгляд Лукаса и приставила кончик ножа к внутренней части руки, примерно на десять сантиметров выше запястья.

Не сильно нажимая на рукоять, я провела нож наискось по белой коже. Этот порез я задумывала, вообще-то, как пробный, но он оказался более глубоким, чем я ожидала. По коже быстро расходилась тонкая красная линия, и оттуда капала кровь. Боль, неприятное жжение, я почувствовала лишь через секунду. Тонкой, но постепенно окрепшей струйкой, кровь вытекала в чашку, которую дрожащей рукой держал мой дедушка Лукас. Замечательно.

– Режет кожу словно масло, – восхищённо произнесла я. – Лесли же меня предупреждала – нож очень острый, таким и убить можно.

– Убери его, будь добра, – потребовал Лукас. Вид у него был такой, будто его вот-вот стошнит. – Чёрт побери, да ты смелая девчонка, видно, что из рода Монтроузов. Э-э-э... Верна нашему семейному кредо.

Я захихикала.

– Точно. Я это наверняка унаследовала от тебя.

Лукас криво улыбнулся.

– Тебе что, совсем не больно?

– Больно, ясное дело, – сказала я и покосилась на чашку. – Этого хватит?

– Да, должно хватить, – Лукас дышал с трудом.

– Может, откроем окно?

– Всё уже в порядке, спасибо, – он поставил чашку рядом с хронографом и глубоко вздохнул. – Дальше всё просто, – Лукас взял пипетку. – Мне нужно всего три капли твоей крови, я волью их в оба эти отверстия, видишь – здесь, под крошечным вороном и под символом иньянь. Затем я поворачиваю колесико и вот этот рычаг. Вот так. Слышишь?

Внутри хронографа завертелись сотни колесиков, что-то стучало, трещало, гудело, казалось, что воздух вокруг накалился до предела. Рубин коротко вспыхнул, а затем колесики снова замерли, и всё стало как прежде.

Я кивнула и постаралась не показывать, насколько мне стало жутко.

– Значит, в этом хронографе сейчас находится кровь всех путешественников во времени, кроме Гидеона, так? Что случится, если его кровь тоже будет считана сюда же? – я сложила в несколько раз тряпичный платок Лукаса и приложила его к порезу.

– Во-первых, никто толком не знает, а во-вторых, это информация высочайшей секретности, – сказал Лукас. – Каждый хранитель должен поклясться на коленях, что Тайна никогда не выйдет за пределы ложи. Пока мы живы.

– Ох...

Лукас вздохнул.

– Но ты не дрейфь! У меня всегда была порочная страсть – преступать клятвы, – он указал на маленький ящик в хронографе, который был украшен двенадцатиконечной звездой. – Мы знаем только одно – какой-то процесс внутри хронографа завершится, и что-то окажется в этом ящике. В пророчествах говорится о какой-то эссенции и о философском камне:

*Да будет круг соединён,
И воцарится дух времён,
И заструится аромат
Во славу Вечности, виват!¹*

– Это что, всё? – разочарованно протянула я. – Вот и вся тайна? Снова какой-то странный запутанный бред.

– Как сказать. Если внимательно прочитать все указания, можно прийти к совершенно конкретным выводам.

*«Панацея от недугов, со здоровьем бед,
Под звездой исполнится завет»*

С помощью этого вещества, если употреблять его правильно, можно будет вылечить любую из человеческих болезней.

Вот это уже звучало получше.

– Ради такого действительно можно постараться, – пробормотала я, размышляя при этом о безумной таинственности хранителей, обо всех их запутанных правилах и ритуалах. Если дело обстоит именно так, их надменность можно было бы даже простить. Ради такого чудо-лекарства действительно можно было бы потерпеть пару сотен лет. А граф Сен-Жермен вполне заслуживает уважения и признания за то, что придумал это и воплотил свою идею в жизнь. Если бы он только был хоть чуть-чуть симпатичнее...

– Но Люси и Пол стали сомневаться, что философский камень – это действительно то, что мы думаем, – сказал Лукас, словно бы прочитав мои мысли. – Они считают, что если человек смог убить своего собственного прадеда, и даже не стесняется этого поступка, вряд ли ему есть дело до судьбы всего человечества – он откашлялся. – Ну что, кровь остановилась?

– Ещё нет, но скоро остановится, – я вытянула руку вверх, чтобы ускорить процесс. – И что же нам теперь делать? Может, испробуем эту штуку?

– О Боже, это ведь тебе не автомобиль, на котором можно совершить пробную поездку, – сказал Лукас, заламывая руки.

– А почему бы и нет? – спросила я. – Кажется, мы именно это и собирались сделать?

– Да, вроде как, – сказал он и покосился на толстый фолиант, который принёс с собой. – Вообще-то, ты права. Во всяком случае, мы можем его испробовать, чтобы знать наверняка, хотя у нас не так уж много времени. – Лукас вдруг засуетился.

Он склонился над книгой и открыл записи хранителей из прошлого.

– Надо внимательно выбирать дату, чтобы ты случайно не оказалась прямо на совещании. Или перед носом у одного из братьев де Виллеров. Они много раз элапсировали в этом зале и провели здесь в прошлом значительную часть своей жизни.

– А могла бы я встретиться с леди Тилни? С глазу на глаз? – я снова оживилась. – Когда-нибудь после 1912?

– Но будет ли это таким ли уж разумным ходом с нашей стороны? – Лукас листал фолиант. – Мы ведь не хотим ещё сильнее запутывать и без того сложные вещи.

– Но мы не можем просто так упустить наш и без того ничтожный шанс! – крикнула я и подумала о том, чему меня учила Лесли. Я должна пользоваться каждой возможностью, и главное – задавать вопросы. Как можно больше вопросов, любых, какие только приходят в голову.

¹ Перевод П. Абрамова

– Кто знает, когда я смогу попутешествовать туда, куда захочу! В сундуке ведь может оказаться что угодно, и тогда я, возможно, уже этого не сделаю. Когда мы встретились с тобой впервые?

– 12 августа 1948 года, в 12 часов дня, – сказал Лукас, задумчиво листая Хроники хранителей. – Я никогда этого не забуду.

– Точно. И чтобы ты никогда этого не забыл, я тебе это запишу, – сказала я, восхищённая собственной гениальностью.

На листе из своего блокнота я нацарапала:

Лорду Лукасу Монтроузу – важно!!!

12 августа 1948 года, 12 часов дня.

Алхимическая лаборатория.

Пожалуйста, никого с собой не бери.

Гвендолин Шеферд.

Я резко вырвала лист и сложила его в четыре раза.

Мой дедушка на секунду поднял глаза.

– Я мог бы послать тебя в 1852 год, в 16 февраля, полночь. Леди Тилни как раз элапсирует туда из 25 декабря 1929 года, 9 утра, – пробормотал он. – Вот бедняжка, даже Рождество дома не смогла справиться. Они всегда дают ей с собой керосиновую лампу. Послушай, что здесь написано:

12.30. Леди Тилни в хорошем настроении вернулась из 1852 года, при свете керосиновой лампы она связала двух шерстяных поросят для рождественской ярмарки, которая пройдёт в этом году на Крещение под названием «Жизнь в деревне».

Он повернулся ко мне.

– Шерстяные поросята! Ты себе представляешь? Ей грозит остаться на всю жизнь заикой, если ты вдруг возникнешь перед ней из ниоткуда. Мы правда пойдём на это?

– Из оружия у неё только вязальный крючок, кончик у которого скруглён, если я правильно помню.

Я склонилась над хронографом.

– Итак, сначала год. 1852, значит, я начинаю вот с этого колесика, правильно? MDCCCLII. А февраль согласно кельтскому календарю будет четвёртым месяцем, нет, то есть, третьим...

– Что ты творишь? Сначала следует перевязать твою рану и спокойно обо всём поразмыслить!

– Но у нас нет на это времени, – сказала я. – Вот этот рычаг, правда же?

Лукас боязливо заглянул через моё плечо.

– Не так быстро! Все данные должны быть выверены с чрезвычайной точностью, ведь иначе... – у дедушки снова был такой вид, будто его вот-вот стошнит. – К тому же, никогда не держи хронограф в руках, а не то ты унесёшь его с собой в прошлое. И никогда не сможешь вернуться обратно!

– Как это случилось с Люси и Полом, – прошептала я.

– В целях безопасности отправим тебя туда лишь на три минуты. Например, с 12.30 до 12.33. В это время она, по крайней мере, уже спокойно сидит здесь и вяжет своих поросят. Только не буди её, если леди Тилни вдруг уснула, а то, мало ли, вдруг у неё сердце не выдержит...

– Но тогда это значило бы в хрониках, ведь так? – перебила я. – Леди Тилни показалась мне довольно-таки крепкой дамой, такая в обморок не упадёт.

Лукас перенёс хронограф к окну и поставил его за занавеской.

– Здесь мы можем быть уверены, что ты не налетишь ни на какую мебель. Да, и убери этот насмешливый взгляд. Тимоти де Виллер однажды приземлился прямо на стол, да так неудачно, что сломал ногу!

– А вдруг леди Тилни как раз подошла к окну и мечтательно разглядывает ночной пейзаж? И я вовсе не шучу, дедушка.

Я осторожно оттолкнула Лукаса, встала на колени перед хронографом, открыла створку, которая располагалась прямо под рубином. Величина проёма точно подходила для моего пальца.

– погоди! Но твоя рана!

– Перевяжем её через три минуты. Мы увидимся очень скоро! – сказала я, глубоко вздохнула и с силой прижала палец к игле. Появилось хорошо знакомое головокружение, и пока светился красный свет, а Лукас говорил «Но я же хотел ещё...», всё расплылось перед моими глазами, и я почувствовала, что приключения продолжаются.

Глава четвёртая

Хроники Хранителей

18 декабря 1745 года

Армия якобитов уже расположилась у самого Дерби и продвигается вперёд к Лондону, а мы тем временем переехали в новый штаб и питаем самые радужные надежды на то, что предсказания 10 000 французских солдат, присоединившихся к Красавчику принцу Чарли, не оправдаются ни на грош, и мы сможем в тишине и спокойствии отпраздновать Рождество в нашем городе.

Невозможно представить себе более подходящей для хранителей обители, нежели старинные дома Темпла. Рыцари-тамплиеры были хранителями таинственных знаний, до их величественного храма рукой подать. Церковные катакомбы соединены с нашим зданием. Официально мы будем продолжать исполнение своих прямых обязанностей, но появятся также возможности для проживания адептов, новичиатов и гостей, а также, разумеется, для прислуги. Кроме того, можно будет оборудовать несколько лабораторий для алхимических опытов. Мы счастливы, что лорду Алестеру не удалось разрушить добрые отношения графа и принца Уэльского (см. отчёт от второго декабря), и благодаря протекции Его Величества в наше владение было передано сие здание. В Зале дракона сегодня произойдёт торжественная передача Внутреннему кругу тайных документов из собрания графа.

Отчёт: Сэр Оливер Ньютон, Внутренний круг

Мне понадобилось ещё несколько секунд, чтобы глаза привыкли к новому освещению. Только одинокая настольная керосиновая лампа освещала зал. В её неярких тёплых отблесках я различила очертания уютного натюрморта: корзинка, моток розовой шерсти, чайник на подставке и чашка с милой розочкой на боку.

А посреди всей этой красоты на стуле сидела леди Тилни и вязала. Увидев меня, она на секунду замерла и положила руки на колени.

Видно было, что она сильно постарела с момента нашей последней встречи, сквозь рыжие волосы пробивались седые пряди, а причёска походила на короткую химическую завивку. Но не смотря ни на что, леди Тилни всё ещё держалась величественно, с достоинством, эта черта сразу же напомнила мне бабушку.

Ей, кажется, и в голову не пришло закричать, или кинуться на меня с крючком наголо.

– Счастливого Рождества, – сказала она.

– Счастливого Рождества, – отозвалась я немного смущённо. На короткий миг я растерялась, но затем собралась и заговорила снова:

– Только не бойтесь. Я не хочу брать вашу кровь или чего-нибудь в таком роде, – сказала я, сделав шаг вперёд.

– Вся эта неразбериха с кровью уже давно в прошлом, Гвендолин, – сказала леди Тилни немного осуждающим тоном, как будто я должна была знать об этом сама. – Я, кстати, уже не раз спрашивала себя, когда же ты придёшь. Присаживайся. Хочешь чаю?

– Нет, спасибо. К сожалению, у меня всего несколько минут, – я сделала ещё один шаг ей навстречу и протянула записку. – Это должен получить мой дедушка, чтобы... просто чтобы всё случилось так, как оно случилось. Это очень важно.

– Понимаю, – леди Тилни взяла листок и с ледяным спокойствием развернула его. Кажется, ничто её не смущало.

– Зачем вы меня ждали? – спросила я.

– Ты ведь сказала, что мне не следует бояться, когда ты посетишь меня снова, вот только не уточнила, когда именно это случится. Вот я и жду, дни и годы напролёт, когда же ты меня, наконец, испугаешь, – она тихо засмеялась. – Но вот если вяжешь поросят, сразу становится спокойнее. Честно говоря, можно просто уснуть от скуки.

Я чуть было не пробормотала какую-нибудь вежливую фразочку вроде: «Вам приходится страдать ради высоких идеалов», но взгляд мой упал на корзинку с поросятами и я невольно воскликнула:

– Ой, какие же они хорошенькие!

В корзинке действительно лежало несколько прехорошеньких поросят. Они были намного крупнее, чем я думала. Это были настоящие мягкие игрушки, очень похожие на живых маленьких свинок.

– Выбери себе одного, – сказала леди Тилни.

– Что, правда? – Я сразу же вспомнила о Кэролайн и протянула руку к корзинке.

Вязаные зверьки были очень мягкими и приятными на ощупь.

– Ангора и кашемир, – гордо сказала леди Тилни, – я использую только их. Все остальные пользуются овечьей шерстью, но она ведь такая колючая.

– Ах, вот как. Спасибо, – я прижала к груди розового поросёнка и попыталась собраться с мыслями. На чём мы остановились? – я откашлялась. – Когда мы увидимся в следующий раз? В прошлом?

– Это было в 1912 году. В моём отсчёте времени этот раз будет уже не следующим, – она вздохнула, – Какое же это было захватывающее время...

– О, только не это! – мой желудок снова сжался, будто я спускалась на американских горках. Ну почему мы не догадались установить хоть немного больший промежуток времени? – Тогда вы уж точно знаете больше, чем я, – поспешно пробормотала я. – Мы уже не успеем сейчас всё как следует обсудить, но... может, у вас найдётся для меня какое-нибудь напутствие на дорогу?

Я отошла на пару шагов назад в сторону окна, теперь на меня больше не падал свет керосиновой лампы.

– Напутствие?

– Ну да! Что-нибудь вроде «Берегись того-то и того-то»...? – я выжидающе посмотрела на леди Тилни.

– Берегись чего? – моя собеседница смерила меня таким же выжидающим взглядом.

– Ну как же я могу знать! Как вы думаете, с чем мне стоит быть осторожной?

– Как бы там ни было, стоит побережиться от бутербродов с вяленой колбасой. Да, и не сиди на солнце слишком долго, яркий солнечный свет вреден для кожи, – энергично сказала леди Тилни, и тут же её образ расплылся перед моими глазами, и я снова очутилась в 1956 году.

Бутерброды с вяленой колбасой! Что за чепуха! Надо было спросить у неё – кого мне следует опасаться, а не чего.

Ну да ладно, теперь уже слишком поздно об этом жалеть. Эту возможность я упустила.

– Это ещё что такое? – вскрикнул Лукас, когда заметил поросёнка в моих руках.

Да, и вот ещё что. Вместо того чтобы с пользой провести каждую секунду в прошлом и вывести у леди Тилни как можно больше полезной информации, я, словно сама не своя, набросилась на розовых вязаных свинок.

– Это поросёнок, ручная работа, дедушка, ты что, не видишь, – сказала я, почувствовав полнейшее разочарование в себе самой. – Ангора и кашемир. Остальные мастерицы используют овечью шерсть, но ведь она такая колючая...

– Как бы там ни было, наш тест сработал, – сказал Лукас, покачивая головой. – Ты можешь пользоваться этим хронографом, и мы сумеем договориться о новой встрече. В моём доме.

– Просто этот прыжок был таким коротким, – пожаловалась я. – Я вообще не успела ничего сообразить.

– Несмотря на это, у тебя теперь есть.. э-э-э... эта свинья, а леди Тилни обошлась без сердечного приступа. Или всё-таки не обошлась?

Я беспомощно покачала головой.

– Да нет, она вела себя вполне спокойно.

Лукас обернул хронограф лоскутами бархата и вернул его на место.

– Взбодрись! Зато у нас с тобой осталось достаточно времени, чтобы пробраться обратно в подвал и составить план на будущее, пока мы будем ждать твоего прыжка в будущее. Понятия не имею, как мы с тобой выкрутимся, если этот старый хрыч, Картелл, всё-таки проснётся и увидит нас.

Через некоторое время я в распрекрасном настроении приземлилась в старой лаборатории в наше время. Допустим, с этим поросёнком всё действительно пошло немного не по плану, размышляла я (я предварительно затолкала шерстяную свинку себе в рюкзак), но вот в остальном мы с Лукасом придумали всё очень даже хитро. Если в сундуке действительно спрятан хронограф, мы больше не зависим от случайностей.

– Случилось ли что-нибудь необычное? – осведомился мистер Марли.

Дайте подумать: несколько часов подряд я строила секретные планы с собственным давно умершим дедушкой, вопреки всем запретам мы считали мою кровь в хронограф, который затем перенёс меня в 1852 год, где я тайно встретила леди Тилни. То есть, ничего особо тайного на этой встрече не произошло, но всё равно о ней никто не должен был узнать.

– Лампочка мигала и несколько раз чуть не погасла, – сказала я, – а ещё я учила слова на урок французского.

Мистер Марли склонился над фолиантом и принялся выводить своим тонким изящным почерком следующее:

19 часов 43 минуты,

Рубин вернулась из 1956 года, где она выполняла домашнее задание, лампочка мигала.

Я еле сдерживалась, чтобы не захихикать. Ну да, порядок превыше всего. Наверняка он Дева по знаку Зодиака. Мне вдруг стало страшно, что прошло уже так много времени, на улице было совсем темно. Надеюсь, Лесли меня дожждётся, и мама не отправит её домой раньше, чем я вернусь.

Но мистеру Марли, казалось, некуда было торопиться. Он с убийственным спокойствием медленно закручивал шариковую ручку.

– Я смогу найти дорогу сама, – сказала я.

– Нет, это запрещено, – испуганно сказал он. – Я, конечно же, провожу вас до лимузина, – мистер Марли захлопнул фолиант с хрониками и встал. – К тому же, я должен завязать вам глаза. Вы же знаете.

Вздыхнув, я послушно дала нацепить на себя черную повязку.

– До сих пор не понимаю, почему так важно не дать мне запомнить дорогу к алхимической лаборатории.

Не говоря уже о том, что я давно уже это сделала.

– Но ведь так написано в хрониках, – встревожено забормотал мистер Марли.

– Что? – воскликнула я. – Моё имя упоминается в хрониках, а ещё там сказано, что мне запрещено видеть дорогу к комнате, где хранится хронограф? Вы это серьёзно?

Мистер Марли продолжил несколько неуверенно:

– Конечно, ваше имя там не упоминается, иначе все эти годы мы бы не потратили на другой Рубин.. э-э-э... то есть, я имею в виду, конечно, мисс Шарлотту... – он откашлялся и замолчал. Я услышала, как открылась дверь.

– Разрешите? – спросил он, взял меня под руку и вывел в коридор. Я была почти уверена, что уши его снова покраснели, жаль только, что из-за повязки на глазах мне так и не удалось в этом убедиться. Такое впечатление, будто я иду рядом с электрической лампочкой.

– А что же там обо мне написано? – спросила я.

– Прошу простить, но этого я вам сказать не могу, я и так уже слишком разболтался. Я услышала, как он нервно хрустнул пальцами обеих рук.

И этот тип действительно является наследником опасного Ракоци? Просто цирк!

– Ну, я вас очень прошу, Лео, – сказала я так ласково, как только могла.

– Сожалею, но от меня вы больше ничего узнать не сможете.

Тяжёлая дверь за нами захлопнулась.

Мистер Марли отпустил мою руку, чтобы запереть замок, на что ему понадобилось минут десять, не меньше. Когда он, наконец, повёл меня дальше, я постаралась наверстать хоть немного времени и торопливо зашагала вперёд. С завязанными глазами это было, кстати говоря, совсем непросто. Мистер Марли снова взял меня под руку, чему я была очень рада, потому что без проводника в этом лабиринте я успела бы наткнуться не на одну стену.

Про себя я решила ещё немного поканючить и позаискивать, поди, знай, может, в будущем это мне всё-таки пригодится, и я смогу-таки вывести у него что-нибудь полезное.

– Знаете, а я ведь лично знакома с вашим предком! – сказала я. Точно, ведь я даже умудрилась его сфотографировать, но мистеру Марли об этом знать совсем не обязательно, поскольку я не имею права брать с собой в прошлое запрещённые предметы.

– Неужели? Я так вам завидую. Этот барон наверняка был удивительной личностью.

– Да, вы правы, – это он точно подметил. Такого страшного типа с наркоманским взглядом ещё поискать надо. – Он пытался выяснить у меня о положении дел в современной Трансильвании, но я, к сожалению, ничем не смогла ему помочь.

– Да, думаю, нелегко ему было жить в изгнании, – сказал мистер Марли. Сразу же после этого я услышала, как он испуганно взвизгнул:

– Ой!

«Крыса!», – подумала я, в панике срывая с себя повязку. Только она могла так его испугать. Но увидела я вовсе не крысу. Передо мной стоял Гидеон. Щёки его по-прежнему покрывала щетина, но взгляд его был бодрым и светлым. Вид у Гидеона был такой непростительно-неприкрыто – невероятно прекрасный, что у меня просто дух захватило от восхищения.

– Это всего лишь я, – смеясь, сказал он.

– Вижу, вижу, – мрачно ответил мистер Марли. – Вы так меня испугали.

А уж меня-то! Я почувствовала, что нижняя губа у меня снова предательски подрагивает, и я изо всех сил стиснула зубы, чтобы хоть как-то справиться со своими чувствами. Какая же я дурёха!

– Вы можете быть свободны, я сам проведу Гвендолин к машине, – сказал Гидеон и, как ни в чём не бывало, протянул мне руку.

Я изо всех сил постаралась изобразить на лице презрение (насколько это было возможно с дрожащими губами. Наверное, вид у меня был как у самого настоящего бобра. Но взгляд у этого бобра был, несомненно, очень презрительный). Я проигнорировала его руку.

– Нет, это невозможно, – сказал мистер Марли. – Я получил приказ проводить мисс... ох... – он растерянно посмотрел на меня, – мисс Гвендолин, зачем же вы сняли повязку? Это противоречит правилам.

– Я подумала, что перед нами пробежала крыса, – сказала я и хмуро поглядела на Гидеона. – И, в некотором роде, не ошиблась.

– Посмотрите, к чему привела ваша вольность, – упрекнул Гидеона мистер Марли. – Даже не знаю, что мне теперь.. согласно протоколу... и если мы...

– Смотрите, как бы вас инфаркт не хватил от страха, Марли. Пойдём, Гвендолин, нам пора.

– Что вы себе позволяете.... я настаиваю... – запинаясь, бормотал мистер Марли. – К тому же... к тому же... вы не имеете никакого права мной командовать... то есть, я хотел сказать, отдавать распоряжения.

– Ну, так побегии и настучи на меня, – Гидеон схватил меня за руку и просто потянул вперёд. Сначала я хотела вырваться, но тут же сообразила, что потеряю ещё больше времени. Мы вполне могли бы простоять вот так, споря и хамя, до самого завтрашнего утра. Поэтому я просто последовала за Гидеоном, предварительно обернувшись и одарив мистера Марли жалостным взглядом.

– До свидания, Лео.

– Да, точно. До свидания, Лео, – сказал Гидеон.

– Это... повлечёт за собой последствия, – продолжал бормотать за нашими спинами мистер Марли. Его рыжая голова при свете тусклых лампочек и сама светилась, словно сигнальный маяк.

– Да-да, у нас уже поджилки трясутся от страха, – казалось, Гидеону абсолютно наплевать на то, что мистер Марли был ещё совсем близко и вполне мог нас услышать. – Вот ведь привязался, подхалим карьерный!

Я выждала, пока мы не завернули за угол, а затем вырвалась и ускорила шаг, чуть ли не побежала.

– Мечтаешь попасть в олимпийский резерв? – осведомился Гидеон.

Я резко развернулась.

– Чего тебе от меня нужно? – Лесли гордилась бы сейчас моим презрительным тоном. – Я очень спешу.

– Мне просто хотелось удостовериться, что извинение, которое я сегодня высказал, действительно было услышано.

Голос его звучал теперь вовсе не насмешливо.

А вот мой – очень даже.

– Да, услышано, ещё как, – просопела я. – Но это вовсе не означает, что я его приняла.

– Гвен...

– Ну, хватит уже. Тебе вовсе не обязательно сейчас снова повторять мне, что на самом деле ты считаешь меня милой и симпатичной. Знаешь, ты тоже казался мне когда-то милым. Даже очень милым. Но сейчас это в прошлом, – я взбиралась по винтовой лестнице так быстро, как только могла, добравшись до верха, я совершенно запыхалась. Как бы мне хотелось сейчас облокотиться о перила и порядком отдышаться. Но мне нельзя демонстрировать Гидеону свою слабость.

К тому же, самого Гидеона этот путь, казалось, вовсе не утомил. Поэтому я как можно бодрее поскакала дальше, пока он не схватил меня за запястье и не заставил таким образом остановиться. Я вздрогнула – его пальцы коснулись раны на моей руке. Из неё снова засочилась кровь.

– Ты ненавидишь меня, и это совершенно нормально, я ничего против не имею, – сказал Гидеон, глядя мне прямо в глаза. – Но пойми, нам предстоит работать сообща, мне и тебе. Чтобы ты... чтобы мы могли выпутаться из этой истории живыми.

Я попыталась освободиться, но он сжал мою руку ещё сильнее.

– И что же это за история такая? – спросила я, хотя мне гораздо больше хотелось просто заорать во весь голос истеричное «А-а-а!!!».

– Я и сам толком не знаю. Но вполне может быть, что я неправильно представлял себе раньше намерения Люси и Пола. Поэтому важно, чтобы ты... – он запнулся, отпустил меня и уставился свою ладонь. – Это что, кровь?

Вот чёрт. Только бы себя не выдать.

– Ничего, всё в порядке. Порезалась сегодня в школе листом бумаги. Да, возвращаясь к нашему разговору: пока ты не можешь точно описать, так сказать, очертить границы этой самой истории, о которой ты говоришь (как же я гордилась сейчас тем, что мне в голову пришёл такой удачный оборот), я, естественно не собираюсь с тобой сотрудничать.

Гидеон снова попытался взять меня за руку.

– Эта рана кажется мне довольно-таки опасной. Дай-ка взглянуть... Стоило бы отправить тебя к доктору Уайту. Будем надеяться, что он до сих пор здесь.

– Это может означать только одно – ты не собираешься посвящать меня в подробности того, что же тебе удалось узнать.

Он стоял, протянув руку, но я не спешила приближаться, чтобы он не смог как следует разглядеть мою рану.

– Потому что я сам не до конца уверен в том, как это трактовать, – сказал Гидеон. И немного растерянным тоном, который так напоминал Лукаса, он добавил:

– Мне просто нужно ещё чуть-чуть времени.

– А кому не нужно? – я зашагала дальше по коридору. Мы добрались уже до мастерской мадам Россини. Дорога отсюда до выхода занимала всего несколько минут.

– Пока, Гидеон. Увидимся завтра. К сожалению.

Втайне я ждала, что он опять меня остановит, но Гидеон даже не попытался этого сделать. Он не сдвинулся с места, а я зашагала прочь. Больше всего на свете мне сейчас хотелось видеть выражение его лица, но я собрала всю свою волю в кулак и не обернулась. Сейчас это было бы совсем некстати, потому что на глаза мне снова наворачивались слёзы.

У входной двери меня дожидался Ник.

– Я хотел начать без тебя, но мистер Бернхард сказал, что мы сможем приступить к делу только после твоего возвращения. Он поломал сливной бачок в голубой ванной и рассказывает всем, что теперь ему придётся снимать плитку и разбирать сливную систему. А потайную дверь мы заперли изнутри. Правда, хитро придумано?

– Очень изощрённый план.

– Но уже через час возвращаются леди Ариста и тётя Гленда, а они наверняка будут настаивать на том, чтобы мистер Бернхард отложил ремонтные работы на завтра.

– Тогда нам действительно нужно поторопиться, – я притянула братишку к себе и поцеловала его прямо во всклокоченную рыжую макушку.

Если действовать быстро, мы можем успеть.

– Ты ведь никому не проболтался?

Ник поднял на меня виноватый взгляд.

– Только Кэролайн. Она всегда чувствует, когда что-то затевают без неё, и начинает доставать своими вопросами. Но она будет молчать как рыба и поможет нам отвлечь маму, тётю Гленду и Шарлотту.

– Главное – отвлечь именно Шарлотту, – сказала я, скорее самой себе, чем Нику.

– Все наверху в столовой, мама пригласила Лесли поужинать с нами.

В столовой как раз заканчивали кушать. Бабушка Мэдди свернулась в кресле у камина, поджав под себя ноги, а мистер Бернхард и мама убирали со стола. Все очень обрадовались, когда мы вошли. То есть, все, кроме Шарлотты. Ну, может, она просто умело скрывала свою радость.

Химериус свесился с люстры и заорал во весь голос:

– Наконец-то объявилась! Я чуть со скуки не подох.

Запах еды был таким манящим, а мама так уговаривала меня покушать, что я чуть было не сдалась. Мама приберегла для меня порцию тёплого жаркого, но я нашла в себе силы и героически отказалась, сославшись на то, что уже поела в Храме. Мой желудок от такой наглой лжи возмущенно сжался. Увы, сейчас я никак не могла позволить себе подобную роскошь – растрачивать время на то, чтобы набить живот.

Лесли улыбнулась мне.

– Жаркое было что надо. Я чуть не лопнула, так было вкусно. Особенно после новых экспериментов с едой, которые устраивает моя мама, какая-то там макробиотическая чепуха, которую даже наш пёс проглотить не в силах.

– При этом ты выглядишь вполне... э-э-э... упитанно, – ехидно заметила Шарлотта. Из её аккуратно уложенных кос выбилась пара прядей. Эти локоны так мило обрамляли её лицо, теперь оно выглядело ещё более обворожительно. Непостижимо, как человек может быть таким красивым и при этом таким подлым.

– Повезло же тебе. Я бы тоже хотела иметь собаку, – сказала Кэролайн Лесли. – Или какого-нибудь ещё домашнего питомца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.